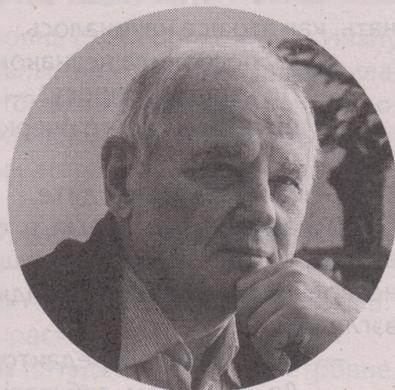

Зиновий ПРИГОДИЧ

ТЕПЛО ПОЗДНЕЙ ОСЕНИ

Повесть

Иван Михайлович Судзиловский вычитывал верстку очередного номера журнала, когда неожиданно зазвонил мобильный телефон. Цифры, которые высветились на дисплее, были незнакомыми. А на такие звонки он обычно не отвечал, но в этот раз — необъяснимо почему — трубку взял.

— Алло! — послышался глухой сдвоенный мужской голос. — Это главный редактор?

— Да, — подтвердил Судзиловский. — Я вас слушаю.

Через небольшую паузу мужчина с очевидным трудом выдохнул:

— Сегодня ночью... умерла Вера Петровна...

И прежде чем ошеломленный Иван Михайлович успел что-нибудь спросить, связь оборвалась.

Чувствуя, что ему не хватает воздуха, Судзиловский подошел к окну и открыл форточку. Лицо его горело. Он живо вспомнил, как однажды Вера Петровна сказала ему: «Меня нельзя расстраивать. У меня больное сердце. И если я умру, это будет на вашей совести...» Он тогда отнесся к этим словам несерьезно, воспринял их как незамысловатую женскую хитрость.

Поэтому продолжал общаться с Верой Петровной иронично-покровительственно, иногда даже грубовато. А в последний раз — когда же это было? Вчера? Да, вчера — вообще допустил откровенное хамство. Вера Петровна, как обычно, начала говорить о своих чувствах, а он прервал ее и начал, как школьнице, читать нотацию: «Вера Петровна, я уже много раз говорил вам, что нельзя постоянно навязчиво говорить об одном и том же. Вы знаете, даже солнце, если оно с утра до вечера немилосердно буйствует, начинает надоедать, и от него хочется спрятаться».

Вера Петровна выслушала эту тираду молча и заметно побледнела. После некоторого замешательства она растерянно, почти шепотом произнесла: «Простите... Я все поняла... Больше это не повторится...»

И вот этот ошеломляющий звонок.

Умерла...

Боже мой! А он до последнего времени думал, что это какая-то экзальтированная игра, причуды пожилого возраста. Оказывается, все было серьезно. Очень серьезно.

Иван Михайлович принялся взволнованно ходить по комнате, не находя себе места. Потом снова сел за стол и, обхватив голову руками, стал вспоминать, как это все начиналось.

... Ему позвонила незнакомая женщина и попросила аудиенции.

— По какому вопросу? — поинтересовался Иван Михайлович.

— По поводу моего очерка, который ваша сотрудница безбожно искромсала.

— Хорошо. Приходите.

В назначенное время в его кабинет зашла миловидная, изысканно, со вкусом одетая пожилая женщина. Она была чрезвычайно взволнована, даже несколько взвинчена. Подойдя к столу, пронзила Ивана Михайловича колючим взглядом:

— Вы — главный редактор?

— Да, я. А в чем, собственно, дело?

— Дело в том, что в вашей редакции творится форменное безобразие.

— Простите, пожалуйста. — Иван Михайлович поднялся из-за стола. — Вас как звать-величать?

Видимо, вопрос этот был для нее неожиданным, потому что женщина несколько опешила и как-то неуверенно, совсем другим тоном сказала:

— Вера Петровна...

— Так вот, Вера Петровна, давайте сначала успокоимся. Серьезный разговор не терпит эмоций. Присядьте, пожалуйста, — Иван Михайлович показал рукой на приставной стул.

Женщина на какое-то мгновение замялась, но все-таки присела.

— Ну, вот и хорошо, — сказал Иван Михайлович как можно дружелюбнее. — А теперь расскажите, что же случилось.

И Вера Петровна поведала, что написала замечательный, по ее словам, очерк о докторе, который спас ей жизнь, а сотрудница журнала отнеслась к ее произведению совершенно бездушно, сократив текст более чем наполовину. В результате от очерка остались рожки да ножки.

Ивану Михайловичу пришлось долго и терпеливо объяснять Вере Петровне, что сотрудница, на которую она жалуется, квалифицированный, талантливый журналист, и если она сократила текст, значит, в том была необходимость.

— Но я вас прошу, возьмите мой очерк, прочитайте и сами убедитесь, что из нас прав.

— Нет, извините, — твердо сказал Иван Михайлович, — я не стану ничего проверять, обижать опытную сотрудницу. Я ей целиком доверяю... Вот вы по профессии учительница. А как бы вы отнеслись к тому, если бы я, не педагог, пришел к вам на урок и раскритиковал вашу методику, дидактику или что там еще? Как бы вы к этому отнеслись?

— Ну... — замялась женщина. — Такого в принципе не может быть.

— Ну вот... А почему вы, педагог, считаете, что лучше знаете все тонкости литературного мастерства?

Словом, в конце концов Судзиловскому удалось убедить посетительницу в ее неправоте, и они расстались вполне дружелюбно.

Иван Михайлович проводил Веру Петровну до дверей и, тепло улыбаясь ей, сказал на прощание:

— Не держите на нас обиды. Пишите и приходите к нам еще.

Вера Петровна как-то загадочно посмотрела ему в глаза и в ответ тоже улыбнулась:

— Хорошо. Только можно я буду приносить свои материалы лично вам?

— Ради бога, приносите.

С этого, пожалуй, все и началось. Вера Петровна стала приходить к Ивану Михайловичу чуть ли не еженедельно. Материалы, которые она приносила, были написаны грамотно, складно, хотя и с некоторыми излишними подробностями и на темы, весьма далекие от формата журнала. Иван Михайлович что-то возвращал, с какими-то материалами рекомендовал обращаться в газету, предлагая даже определенное содействие.

Эти визиты не остались незамеченными в коллективе редакции. Заместитель Судзиловского даже однажды пошутил:

— Что-то Вера Петровна зачастила к вам. Уж часом не влюбилась ли она?

— Ну какая может быть любовь в таком возрасте, — отмахнулся тот.

И в самом деле. Судзиловскому уже было за пятьдесят, а Вере Петровне, похоже, лет на пятнадцать-двадцать больше. Хотя, если честно признаться, ему чем-то нравилась эта женщина — умная, образованная, интеллигентная. Математик по образованию, она хорошо знала и любила поэзию. С ней было интересно говорить на любые темы.

Как-то однажды они даже вышли в разговоре на тему любви. Иван Михайлович прочитал ее очередной очерк (Вера Петровна почему-то все свои тексты называла очерками), в котором довольно интересно и психологически точно рассказывалось о непростых отношениях мужчины и женщины.

— А у вас, Вера Петровна, чувствуется, большой опыт подобных отношений, — заметил он. — Признайтесь, не одному мужику вы в свое время вскружили голову?

Вера Петровна засмушалась, но было видно, что вопрос этот восприняла как комплимент.

— Нет, нет, я вела скромный образ жизни. Как-никак работала завучем в школе, одной из лучших нашего райцентра, а муж — директором соседней школы. Были, что называется, на виду у всех. Необходимо было держать марку... Да и, по правде говоря, мало встречалось на моем пути таких мужчин, в которых можно было влюбиться без памяти. Хотя... — Вера Петровна замаялась, видимо, решая, стоит ли откровенничать, но, видя в глазах Ивана Михайловича неподдельный интерес, все же отважилась: — Хотя было в моей жизни два бурных романа...

И Вера Петровна рассказала. Первый раз она влюбилась еще студенткой. На одном из вечеров отдыха в университете Верочка — тогда общественная активистка, певунья, красавица — познакомилась с молодым обаятельным парнем, начинающим скульптором. Чувства вспыхнули с первого взгляда. Почти все свободное время они проводили вместе. Но, кроме поцелуев, ничего себе не позволяли. Родители так воспитали Верочку. Это была чистая, высокая, романтическая любовь, которая длилась два года.

А когда время подошло к выпускному, Сергей, так звали молодого скульптора, сделал ей предложение, и она с радостью ответила согласием. Но тут неожиданно против их брака выступила мать Веры, заявив, что все эти «творцы» — несерьезные люди. Для создания прочной семьи нужен человек более земной, надежной профессии. И она уже присмотрела для дочери одного замечательного парня из хорошей, богатой семьи их городка. И сколько Вера ни плакала, ни умоляла, та стояла на своем. И в конце концов уговорила дочь.

Вера вышла замуж за парня, которого практически не знала и которого не любила. Хотя он действительно

оказался порядочным, очень надежным человеком и прекрасным семьянином. Со временем она даже стала испытывать к нему определенные чувства. Но та первая всевластная, жаркая, поэтически-самозабвенная любовь еще долгие годы незаживающей раной саднила в душе.

После этого лет до сорока Вера Петровна ни о каких романах и думать не думала. Целиком отдалась работе и семейным заботам. Именно в эти годы ее профессиональная популярность, ее житейская успешность достигли своего пика. Она была признана учителем года. Получила звание отличника образования. И как один из лучших математиков республики участвовала во Всесоюзном семинаре академика Канторовича и там заслужила его признание.

Радовали дети. Оба ее сына, и старший, и младший, с золотыми медалями окончили школу и поступили в престижные вузы.

Их семья была самой авторитетной, самой уважаемой в райцентре, а их уютный, гостеприимный дом, где все было обустроено, обихожено ее руками, по праву считался образцово-показательным. Позже, когда они переехали в Минск — сыновья после вузов остались работать в столице, женились, и надо было заняться воспитанием внуков, — Вера Петровна часто жалела о покинутом доме. Впрочем, и в минской квартире она сумела обосноваться довольно уютно.

Да, не думала не гадала... Но не зря же поется в известной песне: «Любовь нечаянно нагрянет, когда ее совсем не ждешь...»

Так случилось и с Верой Петровной. В то лето она отдыхала в Трускавце, прилежно, три раза в день, пила знаменитую нафтусю. Однажды, когда она стояла в очереди к бювету, кружка выскользнула из ее рук, упала на цементный пол и разбилась. Она беспомощно озиралась вокруг, соображая, что же делать: денег-то с собой не взяла, а возвращаться в санаторий далекоовато. В этот момент мужчина, который стоял в очереди сзади нее, улыбнулся и успокоил:

— Не переживайте. Я сейчас схожу куплю новую. Подержите пока очередь...

После бювета они познакомились. Оказалось, что отдыхают они в одном санатории. И даже приехали почти в один день. Мужчина рассказал о себе: он — военный летчик, служит под Киевом. А зовут его Алексей.

В тот вечер Алексей пригласил Веру Петровну в ресторан. Ей понравилось, что он не скупился: заказал самое дорогое вино, изысканные закуски. И вообще, вел себя галантно.

На третий вечер они поцеловались, и этот поцелуй словно оглушил Веру Петровну. После него будто прорвалась невидимая плотина, которая сдерживала ее чувства. Остаток времени они провели в каком-то волшебном, сладостном и всепоглощающем тумане. И она поняла, что влюбилась — всерьез и бесповоротно.

— И можете себе представить... — Вера Петровна посмотрела в глаза Ивану Михайловичу, словно хотела определить, как он относится к сказанному. — Можете представить, что наши отношения длились целых пятнадцать лет. Алексей за это время от капитана вырос до полковника. Но любил меня по-прежнему преданно, по-юношески неистово, трепетно.

— Пятнадцать лет!.. — не то удивленно, не то восхищенно повторил Иван Михайлович. — Пятнадцать лет фантастической любви с настоящим полковником. Круто!

— Но еще круче закончился наш многолетний роман... — вздохнула Вера Петровна, и лицо ее заметно помрачнело.

— А что случилось? Муж узнал? Разлюбили?

— Нет, все было куда прозаичнее. С годами мой летчик стал слабеть. Вы понимаете, о чем я? Меня это раздражало, злило. И я решила, что пора расстаться.

— А что Алексей?

— О, как он страдал! Он буквально валялся у моих ног. Рыдал у меня на груди. Умолял не уходить. Но я проявила характер и ушла.

— И что, сами нисколько не страдали?

— Почему же, страдала. Но и оставаясь с ним, я страдала не меньше... После этого дала себе зарок: никаких больше любовей, никаких ни с кем отношений! Все свое внимание обратила на мужа. Следила, чтобы он всегда был нарядно, безукоризненно одет. Три раза в день готовила ему полноценные завтраки и ужины. На обед — обязательно салат, первое, второе и десерт.

— И что же, зарок свой сдержали?

— Сдерживала. До последнего времени.

— И?

Вера Петровна снова внимательно посмотрела на Судзиловского:

— Иван Михайлович, неужели вы ничего не замечаете?

Иван Михайлович густо покраснел. Конечно, он давно уже понял, что Вера Петровна приходит к нему не ради своих очерков. Очерки были только предлогом. Но он относился к этому иронично-снисходительно. Хотя и позволял себе легкое кокетство, бездумно потешаясь, как остро, болезненно реагирует на это Вера Петровна. И не предполагал, что это все может обернуться чем-то серьезным. Ну, в самом деле, какие могут быть отношения в их-то годы, да еще при такой разнице в возрасте?

— Не видите или не хотите видеть? — повторила она свой вопрос.

— Вера Петровна... — чувствуя всю неловкость ситуации, сказал Иван Михайлович. — Простите меня великодушно, но я отвечу вам известными стихами: «Кто любил, уж тот любить не может, кто сгорел, того не подожжешь...»

— Ох, может! Еще как может... — вздохнула Вера Петровна, задумчиво глядя в окно. И вот именно тогда и произнесла она свою сакраментальную фразу: «Если я умру, то это будет на вашей совести...»

С этого дня он старался внимательнее, бережнее относиться к Вере Петровне. Поэтому, когда она однажды предложила посидеть хотя бы полчасика в кафе «в уютной, неформальной обстановке», он не осмелился отказать.

Потом горько пожалел об этом. Нет, не только потому, что Вера Петровна вместо получаса целый вечер изводила его своими признаниями, а он вынужден был или переводить все в шутку, или делать вид, что плохо слышит из-за громкой музыки.

Главная же неприятность случилась назавтра. Вера Петровна, зайдя в его кабинет, чуть ли не с порога спросила:

— Ну, как вам понравился вчерашний вечер?

По ее лицу было видно, что она ждала от него восторженного благодарного слова. Но Иван Михайлович сухо ответил:

— Вечер как вечер...

— И это все? — удивилась Вера Петровна. — А вы знаете, во сколько он мне обошелся?

— Господи! — вспыхнул как от пощечины Иван Михайлович. — Не знаю и знать не хочу! Я же предлагал вам оплатить расходы хотя бы наполовину, но вы категорически отказались и даже обиделись... А теперь меня упрекаете...

— Что вы, что вы! Я не упрекаю... — испуганно вскрикнула Вера Петровна. — Иван Михайлович, голубчик,

простите... я, может быть, не то лягнула. Я просто хотела сказать, что для вас мне ничего не жалко, никаких денег... — и вдруг оживилась: — А знаете что? У меня есть идея. Через неделю у вас день рождения. Я приглашаю вас в самый шикарный ресторан. Мы закажем праздничный ужин, и для нас одних будет играть живая музыка, мы будем ею наслаждаться, а может быть, даже танцевать... Директор этого ресторана — мой ученик, и он сделает все, как мы пожелаем. Согласны?

Судзиловский даже поморщился от досады:

— Вера Петровна, это плохая идея. Во-первых, я не хочу вводить вас в ненужные расходы. А во-вторых, я и в молодые годы не шибко любил рестораны, а теперь и подавно. Так что спасибо, ничего этого не надо.

— Жаль...

— И вообще, Вера Петровна, если вы хотите сохранить наши дружеские отношения, давайте не будем ничего выяснять...

— Хорошо, хорошо... — поспешно согласилась она и заметно сникла, погрузилась.

А через несколько дней случился тот неприятный разговор, после которого она, побледнев, встала и трясущимися руками достала из сумки бумажную папку и положила ему на стол.

— Что это? — спросил Иван Михайлович.

— Это мои письма... К вам. Я их писала почти каждый день, но отдавать не осмеливалась... А сегодня вот решилась... Будет желание — почитайте. До свидания...

И торопливо ушла. Как оказалось, навсегда...

Иван Михайлович еще некоторое время сидел в глубокой печальной задумчивости. Потом открыл ящик стола, достал оттуда тяжелую горестную папку и перебирая исписанные аккуратным учительским почерком листы из школьной тетради, стал читать...

ПИСЬМА ВЕРЫ ПЕТРОВНЫ

«Уважаемый главный редактор!

При наших коротких встречах я далеко не все успеваю сказать, что мне хотелось бы. Поэтому пришла мысль писать Вам письма.

Итак, с чего же начать? А начну хотя бы с этого.

Я часто смотрю заседания «Клуба редакторов» и всегда начинаю анализировать каждого из участников с точки зрения многих данных: одет он опрятно, изысканно или небрежно; в какой позе сидит — расслабленно-естественной, вальяжной или напряженно-зажатой; есть ли среди редакторов женщины и являются ли они предметом для подражания и так далее.

Надо отдать должное всем им: все умные, красиво говорят, быстро реагируют на замечания ведущего. Но мне иногда хочется сравнить их с редактором, которого я узнала совсем недавно. Это — Иван Михайлович Судзиловский. И вот как я с ним познакомилась.

У меня случился конфликт по поводу одного моего очерка. Я категорически не согласилась с тем варварским сокращением, которое сделала одна из сотрудниц журнала. И решила идти с жалобой к главному редактору.

Я много раз звонила ему по мобильному телефону. Наконец он отозвался:

— Слушаю вас.

Прежде всего меня удивил сам голос: приятный тембр с небольшой хрипотцой, приветливый, с умением делать ударение на главных словах.

Я представилась и попросила аудиенции, сказав коротко, по какому вопросу. Редактор не отказал и назначил день и время.

Конечно, мне очень хотелось знать, какое впечатление произведет он при встрече. И была приятно удивлена тем, что редактор оказался простым, радушным человеком. И хотя я зашла к нему в слегка взвинченном состоянии, он быстро меня успокоил, кратко и четко спросил, что привело меня к нему.

Первое впечатление — самое верное. Иван Михайлович оказался, на первый взгляд, человеком моложавым, с внимательными, ласковыми глазами, овал лица утонченный. Одет по-молодежному, в водолазку и спортивную куртку. Но я заметила по осанке, что годы как бы чуть прижали его к земле, поняла, что не такой уж он и молодой, как показалось вначале.

Интересна его манера общаться с посетителем: слушает внимательно, по ходу разговора делает резюме, соглашается или что-то отвергает, но ни в коем случае не хочет обидеть собеседника.

Тем не менее он не такой уж белый и пушистый. Когда я обратилась к редактору в следующий раз и попросила напечатать второй очерк о докторе, который спас мне жизнь, в мягких глазах редактора появился металлический блеск: дескать, и не просите, это против редакционных правил, никакой уступки не будет. И я замолчала.

Таковы мои первые впечатления о Вас, уважаемый Иван Михайлович Судзиловский, которые мне почему-то захотелось изложить на бумаге в виде письма. Хотя вряд ли я осмелюсь отдать его Вам.

С уважением, старая учительница Вера Петровна

Здравствуйте, дорогой Иван Михайлович!

Простите великодушно, что обращаюсь к Вам так. Это не панибратство, это — знак огромного уважения к Вам — умелому руководителю редакционного коллектива популярного журнала, чуткому человеку (в этом я убедилась за время наших встреч) и наконец талантливому писателю. Да, да, позавчера в книжном магазине я случайно увидела и купила вашу повесть о первой любви.

Меня глубоко взволновали образы очаровательных девушек, о которых Вы пишете в своей книге. Какими красками можно описать образ Нади, возлюбленной главного героя? Нарисовать красным цветом — цветом счастья? Голубым цветом — цветом любви? О нет! Больше всего ей, пожалуй, подойдет оранжевый цвет. Она любит прелюдию, ласковые слова, которые шепчут на ушко. Главный герой не понял ее до конца. Просто Наде не хватало смелости, а все остальное у нее было. И можно только пожалеть хорошего парня. Бог не дал ему благословения. Как же здесь подходит выражение: «Забывать нельзя, вернуться невозможно». Чашу, наполненную любовью, счастьем, светлым, открытым чувством, эльфы пронесли мимо него.

А какими красками нарисовать образ Гали? Ведь она — жертва неразделенной любви. Но о любви говорить невозможно, если сердце любимого молчит. Горючие слезы девушки терзают ее сердце. И спасибо главному герою, что он грубо не отверг признание Гали, как-то исподволь утешил девушку.

Когда я читала повесть, все время сравнивала главного героя с Вами — у вас есть что-то общее. И главное — чертовская обаятельность и привлекательность. Как же в такого не влюбиться! Хотя Вы теперешний уже далеко не

юноша, но по-прежнему обаятельный и привлекательный человек, давно приобретший причал любви и надежды в жизни.

Но ведь жизнь для Вас не только это. Я очень люблю у Вас описание природы, времен года, эти страницы иногда перечитываю. Как много Вы всего знаете!

А вот глаза человека Вы ни разу не описали, хотя глаза — зеркало души. Я, например, люблю Ваш взгляд — ласковый, иногда критически-внимательный, иногда по-молодежному озорной, и тогда кажется, что этому милому человеку совсем не хочется стареть.

А каким бы цветом я нарисовала Вас? Лазоревым! Этот цвет я увидела на Северном Кавказе, на рассвете, в том месте, где горная река Теберда сливается с водами Кубани. И представьте себе потрясающее зрелище, когда прозрачные голубые воды Теберды переливаются, шипят, как шампанское, с глинистыми водами Кубани. А над всем этим — светло-синее небо в лучах восходящего солнца! Все кругом искрится. Просто неповторимое ощущение жизни.

Мне хочется пожелать Вам оставаться долго-долго с этим чарующим цветом, который у меня ассоциируется с горделивым себялюбием и страстной любовью к жизни. Вы такой умный, что иногда хочется дотронуться до Вас, чтобы этого ума немного перешло и ко мне, чтобы не заблудиться в переулках разума.

Вы, наверное, заметили, что я от Вас всегда нахожусь на расстоянии. Дотронуться до Вас мне нельзя. А иногда хочется взять в свои ладони Ваше лицо и много раз целовать Ваши глаза, уже несколько поблекшие, но все еще ласковые, умные, обещающие.

Недалеко от города Орша, где я родилась и выросла, есть место, где сходятся семь дорог. Часто молодые люди приходят туда, чтобы выбрать себе дорогу на этом перекрестке. Я тоже выбрала. Она привела меня к удивительному месту, где мои красивые сыновья стали успешными, а внуки родились необыкновенно одаренными. Бог дал, чтобы моя искалеченная нога, благодаря искусству талантливого доктора, полностью излечилась. Ведь мне грозила гангрена и даже летальный исход. А я наслаждаюсь, идя по Земле.

И дальше благополучно шла, пока дорога не привела меня к Вашему небольшому кабинету. И вот здесь случилось то, чего я никак не ожидала и не предвидела...

Дорогой Иван Михайлович! Ваш образ — не венец природы, но чертовски очаровательный, притягательный, опьяняющий. И хочется, вслед за поэтом, сказать: чуть помедленнее, годы, чуть помедленнее, жизнь, — дайте насладиться этим волшебным состоянием!

Вы только не ободряйтесь, что я кинусь к Вам в ноги. Я слишком горда для этого. Я даже сама не понимаю, как такое случилось со мною. Вера Петровна всегда относилась к влюбленности шутя, порой даже с издевкой. И вдруг в изнеможении падаю на кровать, плачу оттого, что не вижу Вас неделю, а то и более. Стараюсь вспомнить Ваше лицо, выражение глаз, слова, произнесенные с каким-то удивительным созвучием. Стыжу себя. Но все равно хочу Вас увидеть или хотя бы услышать.

Благодарю Господа, что, пусть на склоне лет, разрешил мне еще раз прикоснуться к этому удивительному чувству.

Благодарю и Вас, милый, загадочный, недоступный Судзиловский!

Хотела написать «Ваша Вера Петровна», но в этом я пока сильно сомневаюсь, поэтому напишу просто — ваша старая учительница Вера Петровна.

Добрый день, умный, талантливый Судзиловский!

Вы удивлены? Да, сегодня мне захотелось называть Вас одними эпитетами, которые вызрели в моей душе. Их много: обаятельный, привлекательный, очаровательный, ласковый, доброжелательный, улыбчивый, успешный, властный, коммуникабельный, восторженный, искренний, остроумный, образованный, респектабельный...

И это еще далеко не все, что я хотела бы вам сказать. Но одно прилагательное-эпитет сказать не могу — просто не имею на это права.

Вы догадались, какое это слово?

В последнее время для меня построен жизнью хрупкий мост, на другом берегу которого виднеется Ваша фигура, недоступный Иван Михайлович. Вы не отвергли меня, а разрешили напечатать в своем журнале то, что для меня в тот момент имело важное значение. В благодарность я молюсь за Вас на этом свете, буду молиться за Вас и на том свете.

С искренним уважением, старая учительница Вера Петровна

Добрый вечер, Иван Михайлович!

Сегодня во время нашей беседы я все время любовалась Вашими руками. И, придя домой, написала вот этот небольшой очерк, которым хочу поделиться с Вами.

«Руки, вы, как инопланетные, несказанно красивые птицы, то плавно поднимаетесь ввѣрх, планируя там, то опускаетесь вниз. Руки как бы купаются в ласковом синем небе, наслаждаясь своим полетом. А полет предстоит долгий!

Руки человека дают о себе знать еще в утробе матери, толкаясь локотками, напоминая о себе. А потом маленькие ручки мать ласкает, баюкает, нежит. Протянутые ручонки как бы хотят притянуть к себе все лучшее, почти весь мир, не осознавая, что предстоит этим рукам изведать в жизни: научиться трудиться, благодарить за радость общения, давать человеку наслаждение, уметь защитить себя и других, воздеть их вверх, к небу, и поблагодарить Господа за все эти умения.

У каждого человека своя длина и форма пальцев, ногтей. У некоторых — тонкая кисть аристократа. У иных — длинные пальцы музыканта. А увесистые, жесткие — руки труженика.

Мне хочется описать руки человека, которого я узнала совсем недавно.

В детстве они извели повседневный деревенский труд: умели косить, пахать, запрягать лошадь, пасти скот, работать с рубанком, строить, а потом главным для них стало — умение писать. Сколько же миллионов слов написали эти руки за свою жизнь! А слова эти рассказывали о человеке труда, о человеческих чувствах, о любви.

У человека четыре базовые эмоции: печаль, радость, страх и гнев. И все это мы передаем словом, взглядом и — руками. Говорят, в печали руки опускаются, в радости — как бы порхают, в страхе — крепко сжимаются, в гневе становятся крепче стали».

Иван Михайлович, в своей книге Вы пишете: «Говорили только руки, ласковые, чуткие... Как много могут сказать руки!»

Ваши руки не могут обнять весь мир, но несправедлив и тот факт, что они принадлежат только одной, — они любимы и другими! Поцеловать их равносильно тому, что передать благодарность за Ваши дела по жизни.

Посеребрила жизнь Вашу голову, и молодость ушла. Но ведь еще не поздний вечер! Много светлых дней и впереди.

Здоровья и благополучия Вам и Вашим рукам!

Старая учительница Вера Петровна

Голубчик, милый Иван Михайлович, добрый день!

В последнее время я задаю себе один и тот же вопрос: «Зачем Вы мне?» Мой муж, быть может, и не хуже Вас, любит меня всю жизнь беззаветно. И, кажется, я хотела благодарить его за это так долго, пока смогу. Но вот дорога неожиданно привела меня к незнакомому кабинету с табличкой «Главный редактор» — и все круто изменилось...

У моего мужа был большой светлый кабинет с красивой добротной мебелью, нарядными шторами и ковром. В школе училось 1700 детей, работало восемьдесят учителей и в основном женщин — одна красивее другой. И никогда у меня не появлялось ревности: где он и с кем? Я жила, как в раю, особенно когда вышла на пенсию. Я была счастлива, так как для родителей счастье в детях и внуках.

Сегодня я упиваюсь от радости общения с Вами. И как вспомню фамилию «Судзиловский», сразу сладкая истома разливается в груди. А мне волноваться нельзя: я сердечница.

Иногда хочется, как в юности, спеть для Вас свои любимые песни. Например, эту: «Умоляю, ради Бога, тише, голуби целуются на крыше. Вот она, сама любовь ликует, голубок с голубкою воркует...» Когда-то я исполняла ее на бис.

Очень созвучна нынешнему моему состоянию песня «Подберу музыку к тебе». А еще — «Горлица и дятел». И, конечно, «Глухарь». Глухарь — самая красивая, благородная птица наших лесов. Вы в моем сознании давно ассоциируетесь с этой птицей.

И уж когда мне совсем тоскливо, я представляю себе утро вместе с Вами, Иван Михайлович. Вы просыпаетесь, сладко потягиваетесь. А я улыбнусь, взъерошу Вашу седую голову, нежно поглажу волосы, кончиками пальцев поправлю редееющие брови, нежно поцелую губы, потом глаза, чтобы взгляд был ясным целый день. Припаду ушком к груди — услышать, что сердце бьется ритмично. Потом ласково помассирую стопы, чтобы легко весь день шагали они по земле. Осеню Вас крестным знамением и скажу: «Благослови, Господь, этого удивительного человека на грядущий день».

Голубчик, милый Судзиловский, Вам не жалко меня? А я сама себя жалею, что так и не сумела все это сделать для мужа своего. Для этого нужно безумно любить...

О, ветры буйные! Так вот, мой дорогой писатель, когда Вы будете сидеть у окна и услышите завывание ветра, знайте, что это я пою Вам самые лучшие свои песни. А если в окно заглядывает солнышко, то это я посылаю Вам тепло своего сердца.

Я очень люблю грозу. Когда гремит гром, в это время Господь кому-то громко сообщает о счастье, кого-то предупреждает о важном событии, а для меня гром говорит, что я проживаю удивительную жизнь. Я всегда хотела быть первой во всем, и Бог все годы помогал мне в этом.

А сейчас идет дождь... Помните, обычно, уходя от Вас, я просила поцеловать меня хотя бы в щеку, и когда Вы изобретательно избегали этого, я шла домой, страдая. А однажды попала под дождь, и мои слезы смешивались с каплями дождя, и я могла плакать всю дорогу.

Вспомнился мне и такой случай. Мы с мужем вышли из театра, и неожиданно начался дождь. И вдруг муж мой ни

с того ни с сего воспылал ко мне любовью, стал целовывать с моих ресниц дождевки, а я хохотала до одури.

И снова хочу Вас спросить: «Вам не жалко меня?»

Впрочем, простите. Однажды я уже видела, как Вы умеете сердиться. Но разве за любовь можно ругать, сердиться, презирать? Простите меня за любовь мою. Знаю, что она Вам не нужна. Но что я могу поделывать? Наверное, я «восхожу к высокой степени безумства».

Глупая старая учительница Вера Петровна

Мой нежный и ласковый зверь, здравствуйте!

О, как все изменилось в моем сознании после Вашего рассказа о последних годах Вашей жизни! О том, что Вы уже лишены интимных удовольствий. Для меня это было настоящим шоком.

Я никак не могла успокоиться оттого, что жизнь может так меняться: то круто вверх, то стремительно вниз, попробуй разберись... Но главное: что бы с тобой ни происходило — ты полюби жизнь, какая она есть, и тогда она тоже полюбит тебя. Это где-то у Вас я прочитала: «Засталіся толькі боль ды журба, толькі крылаў няма...»

О нет, милый Судзиловский, это не про Вас. До вчерашнего дня я совсем не замечала, что Вы можете быть поникшим и, как мне показалось, одиноким. Нет, нет. Вы еще полны оптимизма и жизненных сил. Я сердцем почувствовала, что Вы достигли в своем творчестве определенного мастерства, но творческий поиск еще продолжается...

В предыдущем письме я признавалась Вам в любви, виртуально сравнивала Вас и моего мужа и подумала: в каком же раю я жила, пока не встретила Вас. И даже спрашивала: «Вам не жалко меня?» А сейчас говорю: нет, я рада, что случайно встретила Вас и узнала счастье общения с неординарным человеком.

Не сердитесь, ради Бога, но Вы и вправду не совсем обычный человек, умеете радоваться необычным вещам. Поверьте, я умею это ценить, потому что я и сама жила и живу по правилу калмыцкой сказки. Вот она.

«Спрашивает Сокол у Ворона:

— Скажи, Ворон-птица, отчего ты живешь на свете триста лет, а я всего тридцать три года?

— Оттого, — отвечает Ворон, — что я ем мертвечину, а ты пьешь живую кровь. Попробуй, полетим вместе.

Полетели. Завидели падаль, спустились на землю. Ворон клюет да похваливает. А Сокол клюнул раз, два и говорит:

— Чем триста лет питаться мертвечиной, лучше один раз напиться живой крови. А там — что Бог даст».

Другого правила я не признаю.

Но я хотела сказать не об этом. Мне очень тоскливо, если я не вижу Вас долго. Я замечательный слушатель, а Вам есть что рассказать о Вашей жизни. Но Вы так редко открываете свою душу.

Здоровья Вам, творческих успехов!

Звбалмошная старая учительница Вера Петровна

Здравствуйте, далекий и недоступный Судзиловский!

Я действительно сейчас очень далеко от Вас. Заболела моя сестра, которая живет в Москве, и мне пришлось на недельку уехать, чтобы поухаживать за ней на время болезни. Буду вести для Вас дневник.

День первый. Понедельник.

Пасмурно. Идет снег. Но будем верить, что у природы нет плохой погоды, каждая погода — благодать...

А я обращаюсь к небу: разгони, раздвинь чуть-чуть облака, впусти узенький лучик солнца на лицо далекого, но такого близкого мне человека. Оно, это лицо, все время ускользает от меня. Обычно я не жалуясь на зрительную память, но здесь она почему-то подводит меня.

Однажды я увидела Ваш облик во сне: внимательно глядящие глаза, изящный овал лица, трогательный с дюбочкой нос и чувственный рот с припухлой нижней губой. И это было еще до нашей встречи. Самое удивительное, что в реальности почти все совпало, вплоть до мелочей.

Двадцать лет Господь искал Вас, чтобы меня познакомить с Вами. Должен же кто-то молиться о Вас. И я молюсь.

Добра Вам и утешения.

Вера Петровна

День второй. Вторник.

Утро. Пасмурный день. Но снег не идет, хотя прогноз обещал.

Мне все дни в радость с любой погодой, потому что есть где-то далеко удивительный, единственный для меня человек на земле.

Двадцать лет Господь искал Вас и, наделив Вас колдовской властью, сказал мне:

— На тебе его, любуйся им, боготвори его, отдай для него все, что можешь...

— О Господи, но я хотела бы не любоваться им, а наслаждаться!

Но Бог сказал:

— Наслаждаться тебе им не придется. Поздно!

Поздно...

А мне вспоминается второй день моего знакомства с Вами. Вы были тогда удивительно ласковым, нежным, с интересом слушали меня... Но у меня тогда и в мыслях не было, что я так безумно могу влюбиться в Вас.

Молюсь за Вас, слышите, молюсь!

Благоденствия Вам на долгие годы.

Вера Петровна

День третий. Среда.

Вечер. Тихий, морозный, ласковый. Вспоминаю Вас. Где Вы, что делаете? Возможно, устав за длинный и хлопотный день, смотрите сейчас последние новости. Выключайте телевизор. А я в это время соберу все звезды, завяжу в мешок, чтобы они не мешали милым глазам отдыхать. Оставлю только Большую Медведицу — охранять Ваш сон до утра...

Искренне молюсь за Вас.

Вера Петровна

День четвертый. Четверг.

День начался так красиво! Яркое утреннее солнце, ослепительная белизна снега. Но на душе у меня темно. Я все никак не могу отойти от прескверного сна, который приснился мне этой ночью.

Будто бы я пришла в Дом прессы и на лестнице мне встретились Вы. Я обрадованно устремила к Вам, но натолкнулась на ледяной холод. Я попыталась выяснить,

что случилось, но Вы неохотно, недружелюбно отвечали на мои вопросы, довольно раздраженно сказав, что нам не надо больше встречаться, потому что наши отношения добром не кончатся.

Господи! Во-первых, никаких отношений нет. Это я Вас люблю, милый Судзиловский, а Вы только снисходительно и отстраненно позволяете себе принимать мои чувства. А во-вторых, я не позволю никому, чтобы хоть что-то могло огорчить Вас. Я так живу, я так хочу, я так люблю и боготворю Вас. Так повелели мне Господь и судьба.

Двадцать лет я не замечала никаких (никаких!) мужчин, для меня они были все на одно лицо, как китайцы. И вдруг — Вы! Когда я просто услышала Ваш необыкновенный голос по телефону, сразу что-то дрогнуло, отозвалось в моей душе. И он, этот голос, не отпускает меня до сих пор. Спасибо Вам за все! Ваш голос красивее и милее любой музыки на Земле.

Молюсь за Вас, люблю и молюсь!

Вера Петровна

День пятый. Пятница.

Утро. Пятенка-Прасковья — так называла этот день моя мама. Эта святая бывает благосклонной к людям, но бывает и очень коварной. Пожалуйста, Пятенка-Прасковья, прояви ко мне всю свою благосклонность и сделай так, чтобы мой единственный на земле человек не отвергал мои чувства.

Однажды в церкви я спросила у женщины:

— Скажите, пожалуйста, о чем Вы так усердно молитесь: о здоровье, о детях, об усопших или о чем-то другом?

И она ответила:

— Я усердно благодарю Бога за счастье любить. Ведь те, кто никогда не любил, в другом мире будут отторгнуты: они бездушны.

О, колдовской Иван Михайлович, Вам это не грозит: Вы любили и любили Вас. Вы и сейчас любимы.

Дорогая Пятенка-Прасковья, объясни, пожалуйста, горделивому Судзиловскому, что лично мне от него ничего не надо — только чуточку доброты и понимания того, как бескорыстно и самозабвенно может любить женщина.

В школе я была строгая, недоступная, очень модная женщина (эти слова я услышала недавно от жены бывшего секретаря горкома партии), знающий математик, а потом — репетитор-ас. И если бы мои бывшие коллеги, мои подруги узнали, какой я стала сейчас, они бы ни за что не поверили, сказали бы почти все: «Неужели она способна на такую любовь? Кто угодно, только не Вера Петровна!»

Спасибо Вам, умный, талантливый Судзиловский, за то, что украсили мою жизнь!

Уважения Вам от окружающих Вас людей!

Вера Петровна

День шестой. Суббота.

Сегодня Новый год у китайцев. Так пусть он принесет Вам и мне здоровья на многие годы, жизненного утешения, чтобы красивый Судзиловский долго еще волновал сердца женщин.

Обязательно пойду в местную церковь, помолюсь усердно за себя, за детей, за внуков, за любовь, за удачливого Судзиловского, который все видит, все понимает и хочет быть мне благодарным.

Поговорите со мной, добрый Судзиловский. Расскажите о том, как жизнь Вас благодарила за дела хорошие, а возможно, бранила за что-то плохое. Мне же в Вашей жизни нравится все, потому что вы любите людей, ни на кого не держите зла. Так умеют жить только сильные люди.

Иван Михайлович, хочу поговорить о другом. Когда со мной произошла трагедия (я едва не потеряла ногу) и мне давали много наркотиков, я потеряла певческий голос. А ведь в институте я была солисткой. Но все равно я дома пою. Сегодня пела песню «Подари мне платок» и мысленно просила: и вправду, Иван Михайлович, подарите мне на Восьмое марта небольшой шифоновый платок. «Я его не в сундук положу — на груди повяжу и, что ты подарил, никому не скажу».

Жизненного утешения Вам!

Вера Петровна

День седьмой. Воскресенье.

Утро. Еще темновато. Стою в церкви. Народу очень много. Каждый о чем-то просит Господа. И в какой-то момент молитвы все становятся на колени, и женщины, и мужчины, а я не могу из-за травмы. Я стою и плачу. Нет, не о Вас, благородный человек, а о том, что так быстро проходит жизнь. Я благодарна Богу за каждое мгновение в жизни, в том числе и за Вас, милый Иван Михайлович.

Вот и прошла целая неделя. Буду ли писать дневник дальше? Кажется, нет. Слишком много для одного человека сказано. Еще зазнается.

Вспомнила Н. В. Гоголя:

«— Батько, слышишь ли ты?»

— Слышу, сынку, слышу!»

А вы, Иван Михайлович, слышите ли, о чем я Вам говорю?

Многие лета Вам!

Вера Петровна

Понедельник. Полдень.

Продолжаю писать свой дневник, потому что через него я говорю с любимым мною человеком. Хотя и не всегда это приносит мне радость.

Вспоминаю субботний наш разговор по телефону, после которого мне хотелось плакать. Вы сказали мне (правда, не грубо, а деликатно, корректно), чтобы я отошла от Вас. Но разве это возможно для меня? Это так жестоко с Вашей стороны. Я же люблю!

Я просто не знала, что любовь может быть такой жестокой, а сердце таким одиноким. Сколько унижений я переносу только за то, что мне хочется Вас увидеть, услышать, пообщаться с Вами...

А помните, я Вам поведала, как однажды на исповеди мне сказал священник: «Отдай для него что можешь», и я стараюсь. Мне в радость что-то сделать для Вас, а Вы от всего отказываетесь, все отвергаете.

Иван Михайлович, я твердо знаю, что Вы обладаете душевным благородством. Наверное, Вам и самому не хочется сильно меня обижать, заставлять страдать, тосковать.

Помните, у меня был сердечный приступ? Доктор тогда сказал, что никакой другой причины в организме не было, кроме сильного стресса. А я тогда так тосковала о Вас. Понимала, что должна отказаться от Вас, что Вы для меня недоступны. Но — не смогла.

И все равно я благодарна Вам за все.

Молюсь, люблю и молюсь.

Вера Петровна

Четверг. Утро.

Ну, вот я уже и дома. Погода в Минске стала лучше, теплее, и на душе — радостнее.

Я уже говорила, что Господь наградил Вас душевным благородством, которое не дает Вам резко и грубо говорить с человеком, если он Вам даже не нравится. Так, например, в минувшую субботу в разговоре со мной по телефону Вы, Иван Михайлович, страстно меня убеждали оставить Вас и забыть навсегда. Мораль была долгая и для меня очень горькая.

Я подумала: мой Бог, он не хочет со мной общаться. Зачем же ты, Господь, привел меня к нему? Все! Больше ноги моей не будет в вашей редакции. С глаз долой — из сердца вон.

Ох, любушка Судзиловский, это было в субботу. А вчера ноги сами привели меня к двери вашего кабинета. А когда еще увидела Вас в красном свитере, в котором Вы были в день нашего знакомства, мое сердце чуть не разорвалось оттого, что я хотела не видеть Вас. Это же невозможно!

Благодарю, благодарю Вас, обожаю, люблю. Хочу для Вас хоть что-то сделать, чтобы помнили меня.

Удачи Вам в этой жизни!

Вера Петровна

Пятница.

Какой прекрасный солнечный день! Почти весенний. Но Вас я сегодня не видела, а то бы вволю нагляделась на Ваши милые черты в свете солнца.

Иван Михайлович, недавно вдруг я заметила, что Ваши глаза иногда бывают как бы несколько раскосые, что придает Вам особый восточный шарм. А говорят, что восточные мужчины особенные в любви.

У меня было два возлюбленных: начинающий скульптор Сергей и полковник Алексей. Я об этом Вам рассказывала. И вот теперь я хочу написать очерк «Мужчины тоже умеют любить».

Милый мой Судзиловский, понимаете, я тогда была любима, а сейчас сама люблю. Это слишком разные вещи. Но так, как к Вам, я никогда ни к кому не относилась.

У Вас есть особое очарование: ласковый взгляд, интеллигентная манера общения. Кроме того, Господь наградил Вас умом и талантом, а это всегда волнует сердца женщин.

После третьей встречи у Вас в редакции на прощание Вы вдруг послали мне воздушный поцелуй. Я чуть в обморок не упала: строгий Судзиловский — и поцелуй. Да такой искренний, нежный! О да, я умею ценить такого мужчину. И таким Вы мне показались красивым, особенным, неординарным, что мне еще и еще хотелось видеть Вас и взаправду поцеловать. Увы, это мое желание несбыточно.

Молюсь за Вас, люблю и молюсь. Пусть Господь простит все Ваши грехи!

Вера Петровна

Понедельник.

Дорогой Иван Михайлович, не имея возможности видеть Вас так часто, как хотелось бы, я снова обращаюсь к своему дневнику. В надежде, что когда-нибудь Вы его прочтете.

Итак, утро. Очень странная погода. Вчера шел сильный снег, даже подморозило, а сегодня — плюс пять и довольно тепло.

Сегодня не выдержала и позвонила Вам: очень хотела услышать Ваш серебристо-жемчужный голос, но, услышав его, почему-то загрустила. Прочитала у индийских мудрецов, что такой голос бывает у мужчин, которые могут дарить серебро и жемчуг. Мне этого не надо, так как все это у меня есть. Мне хотя бы чуточку Вашей любви...

И вдруг вспоминаю одну свою знакомую, которая учила меня: если при телефонном разговоре с кем-либо не хочется долго разговаривать, то извинитесь и скажите, что надо срочно отлучиться. Я это вспомнила вот к чему. Милый Иван Михайлович, никогда при мне не поглядывайте на часы и не говорите, что Вам куда-то срочно надо идти. Вы мне всегда отводите для визита не более получаса. Я это чувствую и сама тут же ухожу. Хотя еще и не нагляделась на Вас.

А теперь несколько советов от старой и, поверьте, довольно опытной учительницы. Вы предпочитаете в одежде молодежно-спортивный стиль: джинсы, водолазки, ветровки. Не скрою, это молодит Вас. Но Вы же — главный редактор, часто бываете на разных официальных мероприятиях, а такой стиль там не всегда уместен.

Вам идет строгий деловой костюм. Я однажды видела Вас в таком — глаз не отвести. Почему Вы так редко его надеваете? А еще Вас очень украшает галстук.

Нынче в моде черные носки. И ботинки должны быть начищены до блеска. А волосы аккуратно причесаны на пробор. Так, как я видела на одной Вашей фотографии. Можно, но необязательно, в нагрудный карман узенькой полоской вложить белый носовой платок или — в тон галстука.

Вот тогда это будет ослепительно красиво и достойно настоящего писателя и преуспевающего руководителя журнала.

Не улыбайтесь иронически. Вспомните, еще Достоевский говорил, что красота спасет мир.

Желаю Вам удачи!

Вера Петровна

Здравствуйтесь, колдовской, благородный Судзиловский!

Поздравляю с первым днем весны!

Сегодня красивый весенний день, просто душа радуется. А моя любовь плачет и смеется. Плачет потому, что Вы сказали, что в апреле надолго будете уезжать на дачу и в редакции появляться редко. Очень буду скучать в это время. А смеется потому, что весна делает человека особо чувственным, радостным, он становится красивее и даже счастливее.

Рада за Вас, Иван Михайлович, что Вы получили еще одну литературную премию. Заслуженную премию! Ваши знакомые порадуются, а возможно, и позавидуют. Даже я, ни с какого боку не относящаяся к Вам, горжусь Вами как человеком, судьба которого, как сказал актер Владимир Гостюхин, состоит из разноцветных поступков, разных порывов в жизни, со страстным умением любить людей и саму жизнь.

Дорогой Судзиловский, по своему характеру Вы стремитесь объять необъятное, догнать в жизни то, что не всегда удается. Но, судя по Вашим делам, по Вашему творчеству, чувствуется, что у Вас сильная воля и многое у Вас получается.

А закончить это письмо хочу словами поэта Луговского:

Разум и воля
 Нам даны, чтобы летать,
 Нам даны, чтобы мечтать,
 Нам даны, чтобы любить,
 Нам даны, чтобы жить!

Хочу, чтобы Вы помнили меня за мою любовь и бескорыстие.

Вера Петровна

Добрый день, мой талантливый Судзиловский!

Весна — время вдохновения для поэтов. И для меня эти солнечные мартовские дни тоже как праздник. В сердце радостно оттого, что прошли холода, что лица близких людей все чаще озаряются теплыми улыбками.

Недавно я в очередной раз была в церкви на исповеди и задала священнику такой вопрос: «Правильно ли я понимаю, что любовь человеку дает Господь — кому одну, кому несколько, а кому-то и ни одной?»

И священник мне ответил: «Да, правильно».

Я любила дважды и уже думала, что свое отлюбила. Но Господь послал мне третью, последнюю любовь. И что же мне теперь делать с ней? Как теперь с этим справиться?

Один поэт сказал:

Я стану твоим ангелом, я буду прилетать,
 Чтоб крыльями тебя от бед укрывать,
 От всех бед тебя хранить.
 Я стану твоим ангелом,
 Чтоб просто рядом быть.

Мне нечего к этому добавить. Высоких взлетов Вам и без падений, дорогой мой писатель!

Вера Петровна

Умный, талантливый Судзиловский, здравствуйте!

Я уже научилась понимать Вас по интонациям и с полуслова. Сегодня я позвонила Вам и сказала, что хотела бы Вас видеть. Небольшое молчание в трубке уже насторожило, а когда услышала Ваш странный, слегка растерянный голос, поняла, что ответного желанья нет. И поспешила положить трубку.

Это омрачило мне весь день. Утешала себя мыслью, что близится вторник, когда я буду в Вашей редакции и когда, быть может, Вы удостоите меня своего внимания.

С надеждой, верой и любовью, Вера Петровна

Судзиловский, милый Судзиловский, добрый вечер!

Целый день я провела в надежде увидеть Вас или хотя бы услышать. Увы, все мои многочисленные звонки остались без ответа. Вы, видимо, на каком-то мероприятии или вообще в отъезде.

Господи, когда уже я смогу говорить с Вами когда захочу, сколько захочу, не оглядываясь на время, не боясь, что Ваши коллеги меня услышат?

Тепло вспоминаю нашу недавнюю встречу. Вы были такой простой, естественный, доступный. Не пытались

казаться лучше, чем есть на самом деле. Искренне рассказывали, каким были, какой есть, только вот не рассказали, каким будете. А мне ничего больше и не надо знать, только быть уверенной в том, что у нас с Вами есть на сегодня: у меня — безумная к Вам любовь, а у Вас ко мне терпимое дружеское отношение.

Иван Михайлович, еще живя в Борисове, я подрабатывала в шведской фирме «Орифлейн». И однажды сказала начальнице такую фразу: «Да Вы же особенная среди лучших!» Ей эта фраза очень понравилась, ее потом даже использовали в рекламе продукции фирмы. Правда, не знаю: я сама ее придумала или где-то вычитала.

Но не об этом речь. Я хочу Вам сегодня тоже сказать: «Судзиловский, Вы — особенный среди лучших!»

Как бы мне хотелось в конце написать: Ваша Вера Петровна. Но не могу, не имею права. Поэтому остаюсь для Вас просто Верой Петровной.

Здравствуй, милый мой Судзиловский!

Сегодня целый день меня преследовала мысль о том, что будет со мной в жизни, что будет с моей неумемной любовью. Мой муж догадался о моей влюбленности в редактора журнала, куда я в последнее время зачастила, и если расскажет об этом детям, то это вызовет немалый скандал. Мой старший, Вова, посмеялся над моей неуместной страстью, спросит довольно сурово: «Мама, ты что? Ведь это невозможно в твои-то годы. Ты же у нас строгая, праведная, суеверная — и нарушаешь седьмую заповедь. Поверить не могу. Оставь эту блажь. Пожалей папу...»

А я кричу в душе на весь белый свет: «А меня кто пожалеет?!»

Кто поймет, что душа Веры рыдает, обращаясь к Богу: «Господи, зачем ты мне дал эту любовь? Кто я для этого недоступного редактора? Читатель и автор его журнала? Восхищенная почитательница его произведений? Или просто жертвенная, всепрощающая, глупая влюбленная женщина?»

О, дорогой Иван Михайлович, я уже переступила через себя. Вы для меня не просто возлюбленный, а человек от Бога. Я обожаю Вас. И что я получаю взамен? В лучшем случае полчаса общения. Это маленький глоток воды, который не спасает от огромной, всепоглощающей жажды.

Я Вам рассказывала, как полковник когда-то, сняв с меня босоножку, целовал каждый пальчик моей ноги... Нет, об этом с Вашей стороны я не смею даже мечтать. Но мне так хочется поцеловать хотя бы мизинец на Вашей ноге. Однако Вы категорически сказали: «Я этого никогда не допущу!»

На будущее: где бы Вы ни были, Бог найдет Вас, чтобы сообщить мне потом, что Вы живы и здоровы, что помните обо мне.

Любящая Вас Вера Петровна

Здравствуй, благороднейший Иван Михайлович!

О, вчерашний вечер войдет в мою жизнь, в мою душу, наверное, навсегда. Этим вечером я услышала четкий и быстрый ответ моего любимого: «Пришел бы, обязательно пришел».

Это о том, как я рассказала Вам о своем сердечном приступе и как лежала на больничной койке под капельницей и думала: «Вот если бы сейчас вошел... не муж, нет, не дети, а Судзиловский и взял меня за руку — только и всего, — то мне не надо было бы никаких капельниц, мое сердце и так стало бы биться ритмично и четко». И спросила у Вас: «А если бы я позвонила и попросила Вас прийти, Вы бы пришли?» И Вы не задумываясь ответили: «Пришел бы, обязательно пришел».

За это можно все отдать!

У нашего замечательного писателя Янки Сипакова в его «Зубревичской саге» я прочитала: «Яна так мощна кахала, што ёй было ўсе роўна — кахаюць ці не кахаюць яе самую. Аднаго свайго каханья ёй было дастаткова...» А вот мне — недостаточно. Сколь ни велика, сколь ни сильна моя любовь, не находя взаимности, она чувствует себя сиротливой и неполноценной. Помните, как у Мольера? «Огонь любви сильнее горит, когда взаимность озарит...»

Об этом, дорогой Судзиловский, Вы знаете лучше меня — свидетельством тому Ваши повести. Но я ни на что не жалею. Я сама выбрала такую судьбу. Моя любовь бескорыстна и жертвенна, в ней есть все: и вера, и ревность, и обида, и стыд. Но прежде всего — Надежда.

Прощайте, особенный среди лучших.

Вера Петровна

Добрый день, вернее, уже добрый вечер, мой далекий и недостижимый Судзиловский!

Давно не была в редакции вашего журнала, более трех недель. Провела это время на больничной койке. Не самое лучшее времяпрепровождение, правда? Но, слава Богу, мне уже гораздо лучше, готовлюсь к выписке.

И вот в один из этих дней, когда мне было особенно тоскливо, вспомнились мне слова вашей сотрудницы, которая, отозвав меня в сторонку, по секрету сказала: «А вы знаете, как Судзиловский любит свою жену? Некоторые из наших женщин пытались его закадрить — ничего не получилось...»

А кто знает о моей любви? Такой, что ценится дороже жизни. Такой, которой переполнено все мое существо — от волос до кончиков пальцев на ногах.

Я и сама не верю, что могу быть такой. Ведь всю основную жизнь я прожила, зная, что мне всегда и все удавалось. И как говорит мой муж, я просто летала на Божьей удаче.

Особенно я благодарна Всевышнему (хотя, кажется, об этом я уже писала) за то, что Он познакомил меня с Вами. И это был поистине Божий промысел, потому что уже после третьей встречи я знала, что влюблюсь в Судзиловского. Хотя он вроде бы и не мой идеал: не писанный красавец, просто симпатичный, обаятельный мужчина; не чарующий оратор, который может заговорить до беспамятства, но речь его трогает, западает в душу; не фарсово одетый, а обыкновенный, ничем не приметный журналист, каких в Доме прессы встречаешь на каждом шагу. И все-таки есть в нем что-то загадочно-притягательное, колдовское. И я это почувствовала с первых минут знакомства.

Впрочем, я не об этом. Как долго я не видела Вас! Скучаю, тоскую, а временами даже плачу.

До встречи! Надеюсь, до скорой встречи, обожаемый Иван Михайлович!

Вера Петровна

Голубчик мой Судзиловский, здравствуйте!

Началась Страстная неделя. В эти дни верующие молятся в храмах и просят Господа о прощении грехов.

У меня на душе большой грех: я нарушаю седьмую заповедь, обманываю мужа. По правде сказать, я боюсь его разгневать: делаю вид, что читаю книгу, а все мысли мои о Вас, Иван Михайлович, все о Вас...

Раньше муж только догадывался, а теперь твердо убежден, что я влюблена в Вас. И еще строже стал следить за мной, даже забрал банковскую карточку, которой я прежде пользовалась бесконтрольно. Запретил ездить в редакцию, и теперь, чтобы увидеть Вас, мне нужно говорить, что я еду в храм или в поликлинику.

Любушка Судзиловский, поверьте, я делаю что могу для того, чтобы успокоить эту мою неистовую любовь, которая, как мне кажется, мешает Вам и даже порой раздражает вас. И я боюсь, что мне никогда не услышать, что я Вам не совсем безразлична.

Знаете, есть притча о том, что одна женщина, как и я, безумно любила мужчину, и он устал от ее любви. И попросил Всевышнего подморозить распушкающиеся ветки вербы, которыми она хотела поприветствовать любимого, когда он будет проезжать мимо ее дома.

Но любовь оказалась сильнее мороза. Набухшие почки вербы покрылись от холода инеем и стали белыми, пушистыми, невероятно красивыми. В народе их называют котиками. Проезжая мимо вербы, мужчина залюбовался ее красотой, сорвал ветку и нежно поцеловал котики.

Как бы мне хотелось, чтобы распутившиеся листья моей любви, примороженные Вашим холодом, однажды Вы увидели в другом свете и Вам захотелось их поцеловать.

С любовью и надеждой, Вера Петровна

С праздником, обожаемый мной Судзиловский!

С праздником Воскресения Христова! Сегодня во всех храмах громко, торжественно произносятся:

— Христос воскрес!

И прихожане радостно отвечают:

— Воистину воскрес!

А близким и знакомым людям при этом принято трижды целоваться.

Мне не пришлось с Вами похристосоваться, но не поздравить Вас я не могла. Набралась наглости и позвонила Вам домой и, когда Вы взяли трубку, сказала «Христос воскрес!». Но Вы замаялись, ответили что-то невнятное, и я поняла, что рядом была Ваша жена и мой звонок оказался некстати. Простите меня за это великодушно.

Раньше я думала, что Вы не понимаете, что такое настоящая, самозабвенная до безрассудства любовь. И как это горько, невыносимо тяжело, когда она остается без взаимности. Но вот недавно прочитала Вашу повесть, напечатанную в журнале «Малодосць», и поняла, что Вам очень даже знакомо чувство бессилия от неразделенной любви, когда рыдания терзают душу. И Вам не раз приходилось плакать. И пусть это было в далекой юности, но подобные чувства Вы тоже пережили.

Нет, нет, я ни в чем не упрекаю Вас. Кто-то из мудрых правильно сказал: нельзя любовь долго таить, если она есть, но нельзя ее и изображать, если ее нет. Но я благодарна Вам уже за то, что позволяете изредка приходить к Вам, видиться с Вами, общаться.

Тем не менее когда-нибудь Вам будет некомфортно оттого, что во время этих коротких встреч жалели для меня хоть каких-то ласковых слов.

Целую Вас, люблю и молюсь!

Вера Петровна

Да, для меня Вы самый уважаемый человек на планете. Хотя я отчетливо осознаю, что Вы далеко-далеко не паинька. Иногда Вас о чем-то особом ни уговорить, ни упросить, ни уплакать. Доказать Вам это я бы легко могла, но не буду. Для меня Вы — непререкаемый авторитет. Все мне в Вас мило, достойно, красиво, обворожительно.

Любушка Судзиловский, в Борисове, где я раньше жила и работала, все были убеждены, что у нас идеальная семья: муж — директор самой большой в городе школы, жена — заместитель директора одной из лучших городских школ. Дети — отличники, красавцы. К нам в дом приходили полюбоваться на изящную мебель и убранство.

А я... я чувствовала себя ужасно одиноко. Но сказать об этом не могла никому, даже своей лучшей подруге, которая была уверена, что я счастливица.

Пишу Вам сейчас это признание и горько плачу. Плачу о том, что слишком честна была перед мужем. Он очень многим нравился как мужчина, а я не любила его. И когда в моей жизни появился полковник, я решила дать себе волю...

Когда я Вам рассказывала о своем полковнике, Вы называли меня авантюристкой. Да, такое было в моей жизни. Целых пятнадцать лет! И вдруг, насытившись этой любовью, я резко обрываю все отношения: они уже не давали мне прежнего наслаждения. И двадцать лет не обращала внимания на мужчин. Пока не познакомилась с Вами.

Однажды я ушла от Вас потрясенная и ошеломленная вашим признанием в том, что вы давно живете без секса. И тем, что мне надеяться не на что. Еду в трамвае, а слезы льются ручьем. Какая-то женщина у меня спросила:

— Вам плохо? Вам чем-то помочь?

Я говорю:

— Да, мне очень плохо. Просто жизнь кончена.

— О, милая, жизнь так хороша, что надо наслаждаться ею даже тогда, когда кажется, что все кончено.

Эти мудрые слова незнакомой мне женщины несколько успокоили меня, и я решила, что не все еще в этой жизни потеряно. И вспомнила выражение писателя Бориса Акунина: «Была же у средневекового рыцаря Прекрасная Дама, которой он служил, не помышляя о плотской близости».

Вот так теперь и у меня. Я могу быть счастливой только оттого, что Вы есть. И если Вы не захотите общаться со мной хоть немного, то я, как Демон к Тамаре, буду прилетать к Вашему дому, ощущать Вашу ауру и радоваться тому, что Вы живы и здоровы. И буду за Вас молиться, всегда любить и молиться.

Дорогой Иван Михайлович, а Вы будете помнить меня?

Бедная непонятая учительница Вера Петровна

Здравствуйте, моя радость и моя боль Судзиловский!

«Женщина произнесла лишь одно слово «люблю» — и весь мир благодарно замер». Мы, женщины, помним это выражение до боли в сердце. Конечно, известно, что и мужчины могут сильно любить. Сильно, но не так глубоко, не с такой болью, как женщины.

Сегодня мне хочется рассказать Вам, как я влюбилась в лучшего на планете человека.

С чего же все началось?

О, это особое явление. Попроситься на прием к главному редактору по весьма неприятному вопросу и услышать по телефону спокойный, дружелюбный голос: «Я жду Вас...»

Идя к Вам, я в уме нарисовала себе образ человека, у которого такой запоминающийся голос: брюнет с карими глазами, средних лет, плотный, рост выше среднего... И вот первая встреча, которой я почему-то боялась. В нарисованном образе многое не подтвердилось: не брюнет, а седой; не кареглазый (я этому даже обрадовалась, так как кареглазые — очень властные люди), а с глазами небесной сини. Передо мной предстал красивый, хотя уже и немолодой, статный мужчина с обворожительной улыбкой. Но это я теперь так анализирую, а тогда у меня была одна мысль: решить с этим человеком судьбу очень важного для меня очерка.

Решить дело, как мне хотелось, не удалось, но вышла я от Вас в странном состоянии: у меня было предчувствие или, возможно, интуиция, что с этим человеком мои отношения продолжатся.

А я ведь ничего не знала о Вас — ни как о главном редакторе, ни как о человеке. Сотрудница журнала, которая готовила мой очерк к публикации, немного рассказала мне о Вас. От нее я узнала, что Вы — известный писатель, общественный деятель, замечательный руководитель. Ну а то, что Вы воспитанный, интеллигентный человек, я почувствовала и сама с первой нашей встречи. Но разве я могла даже подумать, что когда-то буду разговаривать с Вами на равных? Вы, увенчанный различными регалиями, и я — простая учительница, пенсионерка.

Но в одном я твердо была убеждена: знаний у меня тоже немало, и по разным вопросам. И что Вам (так мне показалось) небезынтересно со мною общаться. Во всяком случае, ни разу не заметила безразличия ко мне. И когда однажды Вы сказали «До свидания!» и послали мне воздушный поцелуй — что-то дрогнуло в моей груди и как бы сдвинулся в ней двадцатилетний лед, когда все мужчины для меня были безразличны.

Я стала вспоминать Ваше лицо. И почему-то испугалась: «Нет, нет, — говорила я себе. — Зачем? Ты забываешь о своих годах!»

Но Ваш образ преследовал меня. Особенно Ваши глаза, цвет которых я сразу не рассмотрела, так как сидела против солнца. И однажды попросила:

— Сядьте, пожалуйста, на мое место.

Вы удивились, но покорно это сделали. И тогда я увидела, что Ваши глаза синего цвета. Нет, не голубые, как мне показалось сначала, а именно синие. А это значит, что грусти мне от них перенести еще придется немало.

Я влюбилась в Ваши глаза. Они так ласково всегда смотрели на меня! Может, мне это и показалось, но мне хотелось, чтобы было именно так.

Мне нравились тональность Вашего голоса, особенный, присущий только Вам поворот головы, спокойные движения рук... И я поняла, что влюбилась. Неожиданно и бесповоротно.

А что же муж? А никуда он не денется, успокаивала я сама себя, ведь прожито вместе более пятидесяти лет.

Я тосковала о Вас, милый Судзиловский. Чувства переполняли меня, и мне надо было кому-то об этом рассказать. И вот я решила рассказать Вам. Теперь Вы знаете все. Мне просто стало легче. И я, как раньше, пою. Чаще всего эту песню из репертуара Клавдии Шульженко:

Только будет мне очень обидно,
Если милый меня не поймет...

Милый Иван Михайлович, живите спокойно и счастливо. Я ничем Вас не потревожу. Я просто люблю Вас, молюсь о Вас. А Господь знает, кто этого достоин, чтобы внять моим мольбам.

Нежно целую (пишу так в первый раз).

Вера Петровна

Добрый день, жестокосердный Судзиловский!

Вчера в моей жизни был самый черный день. Мой любимый, обожаемый Иван Михайлович не просто обидел меня, а грубо, жестоко оскорбил, унизил.

Вот как это случилось.

В редакции мне сказали, что Вы заболели и лечитесь дома. Я решила проведать Вас. Зная, что днем жена Ваша на работе, а сын на учебе в университете, я пошла к Вам домой. С собой взяла иконку «Утоли мои печали». Говорят, она помогает скорее выздороветь.

С бьющимся сердцем я остановилась у двери Вашей квартиры и дрожащей рукой нажала кнопку звонка. Долго никто не отзывался. Наконец щелкнул замок и дверь открылась. Появились Вы — непричесанный, в спортивном костюме. Увидев меня, Вы изменились в лице — оно стало раздраженным и злым.

— Можно к Вам? — робко, задыхаясь от волнения, спросила я.

— Нельзя! — выкрикнули Вы. Не сказали, а именно выкрикнули — громко, пронзительно, зло. И захлопнули дверь.

А я стояла, словно пораженная молнией. Сердце мое куда-то провалилось, и в глазах у меня потемнело. Не знаю, где я взяла силы, чтобы спуститься на первый этаж и бежать, бежать... Однако ноги плохо слушались меня. Я еле плелась к трамвайной остановке, а вслед, казалось, все еще неслось это ужасное «Нельзя!». Было такое впечатление, что все кирпичи Вашего дома кричали: «Нельзя!» Все окна дребезжали мне вслед: «Нельзя!»

Бедное мое сердце, как оно выдержало такое оскорбление! И за что? Только за то, что я хотела навестить больного. До сих пор не могу поверить, что все это я услышала от Вас, Иван Михайлович. Раньше казалось, что этот человек не сможет даже на два децибела повысить голос. Но смог! Повысил! Ты ли это был, Судзиловский?

О, всемогущий Господь! Ты все слышишь, все видишь, на все у тебя есть ответ. Ответь мне тогда: понимал ли Судзиловский, какую травму наносит мне своим криком? Ведь я могла у его двери упасть и умереть.

И Господь мне сказал:

— Прости его, прости... Помолись за его здоровье и прости.

— Но как мне его простить? Где же тогда моя гордость?

— Гордыня — великий грех. Я знаю, он уже понял, что сильно тебя обидел, и искренне раскаивается. Прости его...

Иван Михайлович, но где мне взять силы, чтобы простить Вас? Правду говорят: от любви до ненависти — один шаг. Однако никакой ненависти в моем сердце нет, а есть только неистовая, всепобеждающая любовь.

А еще — горькая обида. Но со временем пройдет и она, и я прощу Вас окончательно.

Растерянная и недоумевающая, любящая Вас
Вера Петровна

Здравствуйте, Иван Михайлович!

Пишу эти строки в больнице. Да, после неудавшегося визита к Вам мне стало плохо и меня забрала скорая.

В первый день мне было так плохо, что я подумала: наверное, умираю. Но в те минуты вспоминала не детей, не внуков, не мужа, а Вас, неблагодарный Судзиловский. Мне казалось, что я кричу сколько есть силы: «Господи, пожалуйста, убери этот образ от меня! Мне очень больно, невыносимо больно...» И Господь помог мне справиться с собою. Теперь мне уже гораздо легче.

И вот что я хочу Вам сказать. Все эти дни я много думала о Вас. Думала о том, что после семидесяти лет (я по себе и по мужу это знаю) жизнь летит быстрее быстрого. И вот ты уж стар, ты уж сед. А Вы, Иван Михайлович, еще и не очень богатый. Так что Вам уже не быть ничьим любовником, но любимым еще можете быть!

За что же Вас любить?

За бывшую и теперешнюю красоту, за милые, уже чуть-чуть выцветшие синие глаза, за обаятельную улыбку, за аккуратные, аристократические руки, за умные, талантливые книги. И еще много-много чего, что мне в Вас нравится.

Очень хорошо об этом сказано у Бориса Акунина: «Она безрассудно, неостановимо полюбила единственного человека на свете, которого любить ей было нельзя! Полюбила не так, как описывают в стихах или романах — всем сердцем, а вообще всем, что в ней было, и любила все, что было в нем».

Здоровья Вам на долгие годы!

Молюсь за Вас, люблю и молюсь.

Вера Петровна

Здравствуйте, далекий и непостижимый мой Судзиловский!

Здесь, в больнице, слово «здравствуйте» обретает свой исконный смысл. И я искренне желаю Вам еще долгие-долгие годы здравствовать и благоденствовать.

Но сегодня я хочу обратиться к Вам с необычной просьбой: научите меня, дорогой Иван Михайлович, как мне дальше жить. За свою долгую жизнь я не имела особых проблем ни в чем, с Божьей помощью шла по жизни легко и беспечно. Была достаточно влюбчива, но никого серьезно не любила. Все время искала кого-то особенного, умного, красивого. А поскольку таковых не находилось, то многочисленных поклонников просто отвергала.

В замужестве молила Господа дать мне здоровых, красивых, успешных детей и была услышана. Я была от этого счастлива. Счастлива до встречи с Вами... А потом произошло неожиданное и нечто необъяснимое.

Помните, на день рождения я подарила Вам книгу и написала на ней множество эпитетов, которыми я обычно мысленно называю Вас. Вы насчитали их около сорока. А я говорила, что напишу еще больше, даже таких, каких еще никто не слышал, типа звездно-любимый, драйво-космический, лунно-звонящий и других. Причем каждому из этих прилагательных у меня есть свое объяснение.

А теперь небольшое лирическое отступление.

Я очень люблю природу. И когда редко вижу Вас, то разговариваю с Вами через явления природы. Например: о ветры буйные, облетите всю планету, найдите того, кто достоин нежности, и обласкайте его своей живительной силой. Обращаясь к солнцу, прошу его согреть моего любимого золотыми

лучами, наделить его энергией и жаждой жизни. А когда смотрю на облака, летящие вдаль, то тихонько пою:

Облака, облака, облака,
Мы похожи, мы с вами похожи:
Улетаем к другим берегам,
А обратно вернуться не можем...

Ночью же, когда не спится, я часто смотрю в небо, и если есть на нем луна, то вся округа в лунном свете выглядит как-то особенно нарядно и танственно. И тогда я мысленно обращаюсь к Вам: «Слышите, колдовской Судзиловский, а ведь и впрямь лунный свет звенит! А если еще добавить немного воображения, то можно услышать и звонкий голос эльфов, поющих песнь любви...»

Такую ночь необходимо отдавать только в подарок влюбленным. Вы себя этого лишаете. Как жаль!

Влюбленная Вера Петровна

Добрый день, Иван Михайлович!

В последнем письме я высказала сожаление о том, что Вы сознательно лишаете себя самого великого, самого волшебного и Божественного чувства.

Что Вас смущает? Разница в возрасте, то, что я старше Вас? Но я могу привести Вам десятки, сотни примеров, когда люди при гораздо большей разнице живут вполне благополучно и счастливо. Пожалуйста: Пугачева и Галкин (тридцать лет разницы), Бабкина и Гор (такая же разница), Ротару и бас-гитарист (забыла его фамилию)... Можно вспомнить также Александра Блока, который был влюблен в Складовскую, старше его на двадцать лет. И даже женившись на дочери ученого Менделеева, он убежал от жены к своей возлюбленной.

У нас же с Вами разница в возрасте намного меньше. Правда, я не такая богатая и знаменитая. Может, Вас это останавливает? Впрочем, простите, простите... Я начинаю говорить глупости. Вы — не такой... Это все от моей безысходности. Мне бы отказаться от Вас, выбросить из сердца и забыть, но не могу. Слышите: не могу и не хочу!

С каждой новой встречей я все больше и больше восхищалась Вами. Своим умением завлечь собеседника Вы зачаровывали меня. Я даже рассказывала о Вас мужу, давала читать ему Ваши книги, рассказывала ему Вашу биографию. И в один прекрасный день муж объявил мне: «Да ты, похоже, влюбилась в этого Судзиловского!»

Честно признаюсь, что иногда я обращалась к небесам с мольбою: «Господи, убери его от меня. Ведь я так тихо и счастливо жила последние двадцать лет. Зачем Ты подарил мне его?»

Но сердце мое все сильнее привязывалось к Вам. Любовь — это как клятва на крови. Ее невозможно ни забыть, ни отнять, ни уничтожить. Разве только вместе с сердцем.

Любушка Судзиловский, а теперь отдохните от моего признания, которое написалось на одном дыхании.

*Тоскующая и бесконечно Ваша
Вера Петровна*

P. S. Кстати, я уже дома. А дома, как известно, и стены помогают.

До свидания!

Голубчик, Иван Михайлович, здравствуйте!

Хочу Вам рассказать один эпизод из моей недавней жизни. Это было сразу после Вашей болезни. Я узнала, что полезно при Вашем диагнозе. Оказалось, малина, земляника. А эти ягоды продаются только на Комаровском рынке.

Я нарядилась, и, когда шла по своему двору, даже соседки говорили мне комплименты. Приехала на рынок, стала выбирать ягоды, а продавщица говорит:

— Вы одеты, как на картинке! Какая вы красивая... И даже не торгуетесь. Кому же покупаете?

А я с гордостью отвечаю ей:

— Любимому.

— Благослови вас Господь! — поклонилась мне продавщица.

И вот в таком прекрасном настроении я приехала к Вам в редакцию, но Вы даже не обратили на меня внимания. А мне так хотелось, чтобы и Вы заметили, какая я была изысканная, в дорогой одежде.

Перед уходом от Вас мне так захотелось хоть чуточку Вашего тепла (пишу это сейчас и плачу), что я попросила:

— Иван Михайлович, пожалуйста, обнимите меня.

И впервые я ощутила Ваше легкое, секундное объятие. Но мне было достаточно и этого.

Но я на свою судьбу не жалею, ибо даже односторонняя любовь — это очень много. Она наполняет до краев чашу моей жизни. А формулу счастливой взаимности, между прочим, еще никто не изобрел.

Да благословит Вас Господь!

Вера Петровна

И снова здравствуйте, любушка Судзиловский!

Мне кажется, я потихоньку схожу с ума. Вчера явилась в церковь за час до службы, чтобы никто из прихожан не мешал мне общаться с Господом. В благоговейной тишине я шепотом говорю:

— Господь, отдай мне Судзиловского. Я хочу, чтобы он был мой...

И слышу (явственно слышу!) в ответ:

— О нет, дорогая, он отдан другой полвека назад.

— Но Ты же мне нашел его, такого неповторимого, такого необыкновенного, отмеченного Тобою еще в младенчестве. И он, простой мальчишка из небольшой полесской деревни, достиг немало в своей жизни.

— Ну что же, пока любуйся им, но насладиться его любовью тебе не придется.

— Грустно... Но благодарю тебя, Господь, и за это. А как долго будут длиться мои чувства к нему?

— Не скажу, не спрашивай. Люби! И весь тебе мой ответ.

Скажите, умный, талантливый Судзиловский, разве возможно такое при нормальном рассудке? Или же при обостренном напряжении всех чувств все возможно?

Живите радостно, живите солнечно. А я буду жить, как предсказал мне Господь.

Вера Петровна

Дорогой Иван Михайлович!

Если бы все сбывалось, что я Вам желаю, Вы были бы самым счастливым человеком на Земле. И будь у Вас хоть семь жен, я бы все равно Вас любила.

Разве Вы не видите, не понимаете, что для Вас я готова на все, пожертвовать всем, что у меня есть. Но Вы не хотите или боитесь этого.

Помните, я однажды сказала о своем желании поцеловать пальчики Ваших ног (как когда-то целовал меня полковник), а Вы почти испуганно ответили, что никогда такого не допустите?

А помните, как в кафе за бокалом дорого французского вина я попросила поддержать Вашу руку в своей, но Вы остудили мой пыл ироничной усмешкой: «Вера Петровна, но мы же не дети...»?

А помните, как Вы отчитали меня за то, что я слишком рано позвонила (было девять утра) и прервала Ваши раздумья над чем-то важным и серьезным?

А еще Вы, наверное, хорошо помните, как за то, что я хотела навестить Вас, больного, дома, Вы грубо накричали на меня и оставили умирать возле Вашей двери.

А после Вашего выздоровления Вы очень холодно встретили меня в редакции и твердо сказали: «Вера Петровна, отныне у нас с Вами будут только деловые отношения. Никакой лирики!»

Боже мой, сколько раз уже я хотела оставить Вас, зная, что Вы, пожалуй, так никогда и не найдете для меня хотя бы одного ласкового слова. А приду к Вам в редакцию, увижу Ваши милые глаза, которые светятся вниманием и добротой, и снова падаю в пропасть своей любви. От этого иногда хочется плакать и смеяться одновременно.

Любушка Иван Михайлович, не сердитесь на меня за эти глупые признания. Мне ведь ничего не надо от Вас — только простого человеческого сочувствия.

Безнадежно любящая Вас Вера Петровна

Мой недоступный и желанный Судзиловский, здравствуйте!

Вчера Вы мне дали неожиданный совет: поехать на могилу святой Валентины Минской и попросить ее избавить меня от несвоевременной и ненужной любви, которая приносит мне столько страданий... Было очень больно слышать такое, но я смолчала.

А сегодня хочу спросить:

— Неужели и вправду, Иван Михайлович, Вам этого хочется? Неужели Вы так жаждете, чтобы я оставила Вас в покое?

В предыдущем письме я уже признавалась, что несколько раз пыталась оставить Вас, и даже радовалась, когда мне казалось, что я уже свободна от своего безумного чувства. Увы, ничего из этого не вышло.

А возможно, моя судьба таким образом решила отомстить мне, сказав: «Ты не хотела сердечно отозваться на любовь других, так пострадай же и ты хотя бы на старости лет».

Простите за любовь мою!

Вера Петровна

Здравствуйте, неблагодарный Судзиловский!

Все хожу и думаю над Вашим недавним советом. Возможно, и впрямь, вот как только немного потеплеет, попрошу внука или сына свозить меня на могилу святой Валентины Минской. Но просить ее буду не о том, чтобы забыть о Вас, а обращусь к ней с такою молитвой:

«Дорогая, незабвенная Валентина, я расскажу тебе о том, что Господь продлил мою жизнь в радости в невероятной, непостижимой, неземной любви. А еще Господь помог

мне преодолеть страшную обиду, которую причинил мне мой возлюбленный. Я ему все простила.

Он уже далеко не молод и напоминает мне дуб, обожженный молнией. Дорогая Святая Валентина, я знаю, что ты внимательно меня выслушала и недоумеваешь, чего же я хочу от тебя. А хочу я одного: дай этому удивительному человеку здоровья на долгие годы и озари его своей благодатью. Помогите мне долбить желанного мне человека до последних дней моей оставшейся жизни!»

Вы, Иван Михайлович, конечно, будете недовольны таким моим решением. Но иначе я не могу.

Покорно склоняю свою виноватую голову.

Вера Петровна

Уважаемый и обожаемый главный редактор!

Представляю, как бы Вы рассердились, получив мое предыдущее письмо, в котором я изложила свою будущую молитву к святой Валентине Минской.

Между прочим, уважаемый Судзиловский, когда Вы сердитесь — становитесь еще красивее: глаза делаются с прищуром еще голубее, в лице появляется выражение неуступчивости и нетерпимости какого-либо противоречия.

Иван Михайлович, не обижайте меня даже тогда, когда Вам что-то не нравится во мне.

Моя старшая внучка однажды сказала:

— Бабушка, что же сделал с тобой этот непонятный, загадочный человек? Ты всегда такая гордая, недоступная была. Даже мой профессор тебя боялся, а теперь страдаешь, унижаешься. Неужели он такой необыкновенный, этот Судзиловский? Чем, скажи мне?

Боюсь, что я не смогу выразить в словах все то, что творится сейчас в моей душе. Да и вряд ли кто-то поймет мои чувства, если бы я даже смогла рассказать. Вот даже и Вы, умный, талантливый, не понимаете меня. Или же не хотите понять?

Вера Петровна

Р. С. Мне очень хочется показать Вас моей внучке. Она давно об этом просит. Как вы к этому отнесетесь?

Мой дорогой Судзиловский, здравствуйте!

Вчера Вы были в хорошем расположении духа и попросили рассказать что-нибудь из моей жизни. Ваша просьба застала меня врасплох, я не знала, с чего начать, вспоминались почему-то эпизоды незначительные, несущественные, случайные, поэтому говорила сумбурно, сбивчиво. И очень боялась, что Вам будет неинтересно. Но Вы ни разу не остановили меня и даже не посмотрели нетерпеливо (как это обычно бывает) на часы.

А я говорю, говорю, а сама наблюдаю за Вами: вот он сейчас весь внимание, мимика красноречиво говорит об этом; а сейчас, пожалуй, слушает меня плохо — зрачки сузились, наверное, хочет задать мне вопрос; а вот уже за что-то сердится — брови насупились, обозначилась резкая складка на лбу; а вот, наконец, что-то в моем рассказе ему понравилось — глаза смеются, он улыбается...

Как видите, умение анализировать поведение человека во время разговора свойственно не только писателям, но и некоторым педагогам. Такое умение давало мне в жизни многое: я безошибочно могла составить психоло-

гический портрет человека, понять его суть и тем самым либо приблизить его к себе, либо держаться подальше. Поэтому одни люди любили меня, другие уважали, а некоторые — боялись.

Но я не об этом. Мне сейчас стыдно, что я от волнения наговорила Вам какой-то чепухи и у Вас может сложиться не совсем правильное мнение обо мне. Поэтому я хочу исправить ошибку и в письменном виде дополнить кое-что к своему сумбурному повествованию.

Конечно, рассказать всю свою жизнь в коротком письме невозможно, но отдельные фрагменты, которые кажутся мне важными, значимыми, а для Вас могут представить интерес, я постараюсь изложить.

О детстве. Оно у меня случилось трудным. Особенно в возрасте от восьми до десяти лет, когда пришлось пережить смерть отца, двух братьев и страшный голод в конце сорок третьего и начале сорок четвертого.

Потом уже было полегче. Мама устроилась на хорошую работу, и мы больше не голодали. А в старших классах я уже была одета лучше всех, у меня появилось много поклонников. Но я ни на кого не обращала внимания, слыла гордой и неприступной.

Успешно (с золотой медалью) окончив школу, поступила в университет, где значительно позже учились и Вы. Учеба мне давалась легко, я успевала заниматься еще и серьезной общественной деятельностью. «Студентка, комсомолка, спортсменка» — помните эту крылатую фразу из кинофильма «Кавказская пленница»? Только я была еще и активной участницей художественной самодеятельности — и пела, и танцевала. Словом, ко второму курсу моя популярность уже вышла за пределы факультета.

И на одном из университетских вечеров познакомилась с молодым красивым парнем, начинающим скульптором Сергеем... Но против нашего брака выступили его родители и моя мама. Мы расстались, о чем я потом жалела всю жизнь.

После университета я получила направление на работу в одну из школ города Борисова и вышла замуж за парня, моего коллегу, которого усиленно мне сватала мама. Я об этом уже, кажется, Вам рассказывала.

Вы думаете, что после Сережи я была обделена в личной жизни? Ошибаетесь. Все мои подруги считали, что моя судьба самая удачливая. Ну как же: я — успешная, респектабельная женщина, у которой полно поклонников. К тому же у меня красивый образованный муж. Вначале простой учитель, потом инспектор школ, потом директор, уважаемый в городе человек. Я тоже его уважала, но... не любила.

Потом была встреча с полковником. И хотя наши встречи были довольно редкими, но каждая из них становилась каким-то ярким, праздничным, волшебным фейерверком. Помнится, мы отдыхали в санатории «Хрустальный дворец» и однажды пришли в свой номер с праздника «Ночь разбитых сердец», который проходил в городском Доме культуры. Молодые, возбужденные, красивые, мы лежали в постели люксового номера, наслаждались какой-то неистовой свободой от всего — от его жены, от моего мужа, от людской зависти — и всю ночь страстно, с упоением предавались плотским утехам.

Мне нравились его ласки. В порыве страсти он мог обцеловать меня всю — с головы до ног. Да, не скрою, это было приятно, и долгие годы я чувствовала себя на седьмом небе. Хотя теперь я понимаю: это не было любовью, это была именно страсть. И когда эти страсти улеглись, я легко с ним рассталась.

И жизнь моя снова потекла привычно, буднично, размеренно. Работа — семья, семья — работа. Воспитала прекрасных сыновей, получила почетное звание «Отличник народного образования», считалась лучшим учителем в городе. Особо горжусь таким фактом в моей жизни: меня в составе четырех лучших учителей республики послали на учебу в Академию педагогических наук СССР. Учебой руководил всемирно известный математик — академик А. Н. Колмогоров. Из всех курсантов (а нас было 60 человек) академик почему-то выделил меня, и мы с ним порой говорили на равных.

Вот так, дорогой Иван Михайлович, не только у Вас, но и у меня были свои достижения. По итогам этой учебы меня даже наградили медалью «За трудовую доблесть».

Но ничего в нашей жизни не проходит бесследно. Видимо, за мои прошлые грехи Господь все же наказал меня: в автомобильной катастрофе мне сильно покалечило левую ногу и плечо. Один из хирургов даже настаивал на том, чтобы ампутировать ногу по колено. Слава Богу, на консилиуме было принято решение пойти на сложную, уникальную операцию и попробовать спасти мне ногу.

Лежала я в люксовой палате одна и выла в голос на всю палату. От боли спасали наркотики. А еще меня денно и ночью выхаживал муж. Он окружил меня необыкновенной любовью и заботой, которые врачевали лучше любых лекарств. Я думала, что до конца своих дней буду мыть его ноги и согревать его душевным теплом.

По утрам я горячо молилась, обращаясь к Всевышнему:

— Господи, неужели я такая грешная, что на старости лет мне надо быть инвалидом? Ты же, Господь, знаешь, как я любила жизнь, как старалась быть первой во всем — в учебе, в работе, в общественной деятельности. И ты, Господь, помогал мне во всем. Я это чувствовала, знала. Я и теперь понимаю, что Ты за что-то наказал меня, возможно, за мои грехи. И я искренне, всем сердцем молю у Тебя прощения...

И Господь услышал меня, пожалел: я быстро стала поправляться на удивление врачам. Через месяц вернулась на работу, и жизнь моя потекла в прежнем русле. Только я уже не была прежней. Каждое воскресенье я ходила в церковь, усердно молилась и благодарила Бога за свое спасение.

Дорогой Иван Михайлович, читая мой рассказ, Вы, наверное, подумаете, что я сошла с ума: нельзя так откровенно говорить с мужчиной. Но для меня Вы в данный момент не столько мужчина, сколько писатель, а писатель должен знать душу женщины, как никто другой.

И вот я перехожу к главному. Однажды в моей размеренной, спокойной жизни случилось то, чему я даже не могла придумать название. Помогла мне в этом автор повести «О любви я молюсь» Е. Афанасьева. Она окрестила это состояние как «страсть ниоткуда». Лучше и не скажешь.

Я ведь, когда шла к Вам, главному редактору, ни о чем другом не думала, как только о судьбе своего очерка. Теперь Вы понимаете, почему он мне был так важен. А вышло, что встреча с Вами оказалась важнее всех моих очерков.

О, эта встреча! Теперь я понимаю, что она была неслучайной, что все это произошло по воле судьбы. Я ведь дала зарок, что никогда больше не буду грешить. Буду заботиться о муже, о внуках и целиком отдаваться работе.

А тут иду из вашей редакции и все время думаю о Вас. Вспоминаю Ваши глаза, Ваш голос... Ваше поведение со мной было какое-то неординарное, такое, что на Вас невозможно было не обратить внимания.

Вы показались мне очень красивым: с копной седых волос, с внимательным взглядом, статный, широкоплечий. В красном красивом свитере, и этот свитер очень молодил Вас.

Но не внешность зацепила меня, а нечто другое. Ведь женщина оценивает мужчину душой. А я сразу поняла, что такой мужчина, как Вы, должен очень красиво раскрываться в любви.

После этого я захотела узнать о Вас как можно больше: что Вы за человек, что Вы представляете собой как журналист, как редактор. А когда узнала, что Вы еще и писатель, купила Ваши книги и запоем их прочитала.

И тогда я окончательно поняла, что Вы мне посланы Богом. Вы — тот, кого я ждала двадцать лет после расставания с полковником. Но при этом Господь мне сказал:

— Ты хотела любви, возвышенной, неземной. Возьми ее. Только будет она не из легких. Люби, страдай, прощай. И все-таки люби...

Я не могла поверить, что на старости лет можно так страстно, безумно влюбиться. И никак не могла смириться с тем, что мои чувства оказались безответными. Боже, как я от этого страдала! За два месяца я похудела на пятнадцать килограммов.

Дорогой мой Иван Михайлович, настоящая любовь — это каждодневный, ежеминутный страх. Страх такой сильный и постоянный, что других страхов уже не остается. Я очень боюсь потерять Вас, боюсь остаться один на один со своим чувством.

Любушка Судзиловский, может, я неправильно поступаю, говоря бесконечно: «Люблю, люблю, люблю...» Мужчины раздражаются, когда на них обрушивается такой водопад чувств, но я иначе не могу: хочу любить Вас, радовать и радоваться, что Вы у меня есть. Я уже не могу не видеть и не слышать Вас. Иначе — сплошные страдания.

Вот как это было недавно, в день моего рождения. Как всегда, я встала рано, переделала массу дел. Чаще всего я звоню Вам где-то часов в одиннадцать. И Ваш звонок ждала в это время. Но его не было. И потом не было.

Я сказала мужу, что мне надо отлучиться на пару часов в библиотеку. И, захватив телефон, поехала. И в библиотеке, как верный пес, ждала Вашего звонка до обеда. И когда наконец Вы позвонили, на меня напал такой дурацкий смех и плач, что знакомая библиотекарьша подошла и спросила: «Что случилось? Что с Вами?»

Да, эта моя внезапная страсть ниоткуда приносит мне немало огорчений и страданий, но, повторю еще раз, никакие испытания не способны омрачить моего счастья.

На сегодня — все. Нежно целую.

Вера Петровна

Добрый вечер, самый умный, самый талантливый писатель Судзиловский!

Мой муж ушел в парикмахерскую, и я могу спокойно поговорить с Вами, например, дорассказать то, что недосказано в предыдущем письме.

Знаете ли Вы, что июль — это месяц громад белых кучевых облаков, особенно в солнечные дни? В этом году июль не очень солнечный, тем не менее кучевых облаков очень много.

И вспомнился мне недавний эпизод — еще один из моей жизни. Младший сын везет меня на своей красивой японской машине в хозяйственный магазин и вдруг говорит:

— Смотри, мама, какие чудесные облака, озаренные заходящим солнцем...

А я гляжу на них — красивые, высокие — и думаю о Вас, и сердце мое поет. Мне хочется взлететь на одно из этих облаков и с высоты полюбоваться на Вас.

Ах, милый друг, как это хорошо, что Вы еще полны оптимизма, созидательной жажды к жизни. Нет, есенинские строки «отговорила роща золотая» — это не о Вас. И лучи предзакатного солнца только украшают Вас, давая надежду, как пишете Вы в одной из своих книг, «стомлена-ціха са светлай журбой» прожить еще много красивых лет.

А иногда в своей фантазии я слетаю с высокого красивого облака, чтобы, долетев до Вас, поцеловать Ваши губы, глаза, каждый пальчик Ваших красивых рук. Но... это невозможно. Мне этого нельзя.

Ах, если бы Вы знали, как я ненавижу это проклятое слово «нельзя»!

Расскажу такую историю. В Канаде есть памятник, который называется «Пес верности». Хозяин этого пса, уезжая куда-то по делам, вывел его во двор и приказал: «Жди...» И пес ждал более двух недель. Добрые люди хотели его увести к себе, приютить, но соседи сказали: «Нельзя, он ждет хозяина». А вскорости собака умерла. Не столько от голода, сколько от тоски...

Так впервые я услышала слово «нельзя», которое стало роковым.

А второй случай был уже со мной. Я прилетела в Трускавец по телеграмме полковника. Был месяц май, вокруг — множество тюльпанов, нарциссов — красота, как в раю.

Но меня никто не встретил. И вся окружающая красота для меня померкла. Я сидела в сквере на скамейке и ждала его, зная, что он обязательно должен появиться.

Я сидела семь часов! Без еды, без воды. И, как верный пес, ждала его. Я бы улетела в Москву, к сестре, но у меня не было денег. Сидела и плакала.

Наконец он появился. Я встретила его, не показав своей обиды, только попросила сто рублей. Он вынул портмоне, подал мне несколько купюр и спросил:

— Зачем тебе деньги?

— Я улетаю домой! — твердо заявила я.

И тут он почти в ярости сказал:

— Нельзя! Нельзя так со мной! Ты даже не спросила, почему я опоздал. А ведь у человека могут быть разные обстоятельства. Нельзя принимать серьезные решения с бухты-барахты.

Мы, конечно же, помирились, но у меня еще долго звучало в ушах это страшное слово «нельзя».

А еще с горечью и болью я услышала его от Вас, дорогой Иван Михайлович. Причем услышала и слышу многократно.

Мне иногда хочется взять Ваше лицо в свои ладони и нежно поцеловать Вас — нельзя.

Я отважилась навестить Вас, больного, дома — оказалось нельзя.

Меня мучит «страсть ниоткуда», и я, не сдержавшись, начинаю говорить об этом, а Вы раздражаетесь: нельзя быть такой назойливой.

Пригласила в шикарный ресторан, чтобы отпраздновать мой день рождения, — нельзя.

Попросила разрешения приходить к Вам почаще, но даже этого мне нельзя.

Нельзя, нельзя, нельзя...

А что же мне можно, жестокосердный Судзиловский?

Раз в две недели приходить в редакцию, чтобы полчаса (не больше!) полюбоваться Вами, пообщаться? Но я ведь живой человек, я тоже хочу если не ответного чувства, то

хотя бы участливого внимания. Нет, нет, я Вас не упрекаю. Возможно, мои слова и не совсем справедливы.

Однажды я спросила у Вас:

— Неужели я для Вас абсолютно безразлична?

Вы ответили:

— Я этого не говорил. За все время нашего знакомства я ни разу Вас не обидел.

Это правда. Ни разу, за исключением того несчастного дня, о котором мне больно вспоминать.

Но ведь и ни разу не сказали мне теплого, ласкового слова. Более того, настойчиво советуете забыть Вас, побороть, утихомирить (это Ваше выражение) свои чувства.

Но как мне это сделать? Научите, умный, всезнающий Судзиловский. Несколько раз я пыталась уйти, забыть Вас, полностью отдаться семейным заботам. Не тут-то было. Похоже, борьба с самим собою — это самое сложное, самое трудное в жизни.

Я прекрасно вижу все Ваши недостатки: Вы — вспыльчивый, не всегда сдержанный, иногда необъективный. Но еще больше вижу и ценю Ваши достоинства, и прежде всего — Ваше душевное благородство.

Понимаете, мой заоблачный Судзиловский, когда человека любишь, то любишь и все его изъяны. И ничего с собой поделаться не можешь. Ведь такая любовь — это как самый сильный наркотик: человек понимает, что идет на смерть, но не уколоться уже не может.

Меня, наверное, ждет страшное разочарование. Но пока Вы даны мне в радость: бессовестно обаятельный, бессовестно счастливый, бессовестно окрыленный. И до невозможности недоступный.

А я люблю Вас, люблю! За что? Не знаю. Но уж до конца моих дней разлюбить Вас не смогу.

Простите, опять не сдержалась.

Мысленно обнимаю Вас!

Вера Петровна

Здравствуйте, нежный, красивый Судзиловский!

Сегодня я буду говорить с Вами о цветах полевых. Впервые о них я прочитала у немецкого поэта Генриха Гейне. Позже об этом мне очень интересно рассказывал Сережа. Из тысячи полевых цветов он выделял вот эти: сиреневые колокольчики, боярские смолки, ромашки белые, гусиные лапки, жужелицу фиолетовую, лютики, незабудки...

А я хочу все эти цветы связать с Вами, Вашим образом — так, как это мне видится, образно представляется.

Вы рано встаете. И в квартире начинает звенеть, как сиреневый колокольчик, Ваш волшебный голос. И этот голос, мне кажется, даже убеждена в этом, пробуждает лучшие чувства у Ваших домочадцев, а на работе — у Ваших сотрудников.

К Вам, обаятельный Судзиловский, сердечно льнут люди, как к боярским смолкам стрекозы и бабочки. Ох и много же их бывает! Поди разберись, кто из них друг, а кто враг.

Явственно вижу, как Вы гадаете на ромашке, обрывая лепесток за лепестком: любит, не любит, к сердцу прижмет, к черту пошлет... Остановитесь, пожалуйста, на лепестке «к сердцу прижмет».

А вот желтые гусиные лапки так и хочется отбросить прочь, хотя они очень красивые. Но настораживает цвет — желтый, цвет измены. А я очень боюсь, что Вы можете изменить свое благожелательное ко мне отношение.

Дорогой Иван Михайлович, цветок жужелицы очень напоминает Вас, милую, интересную Вашу речь. Когда Вы говорите, что-то рассказываете — Ваши слова завораживают слух, и хочется их слушать без конца, получая неизъяснимое наслаждение.

«Поникли лютики, вода холодная в реке рябит...» Лютики напоминают прозу жизни, а Вам всегда хочется праздника. О, милый Судзиловский, и Вам это удастся, потому что Вы рождены для блаженства. Еще в детстве Господь поцеловал Вас в темечко, и я рада за Вашу счастливую, удачливую жизнь.

Незабудка, незабудка, иногда одна минутка значит больше, чем года! Голубчик Иван Михайлович, Ваши милые глаза впитали голубизну незабудки и синь безоблачного неба. И когда я их вижу, мне хочется петь:

Не забывай мяне ніколі,
Тваіх вачэй са мной святло.
Не забывай мяне ніколі,
Мае каханне не прайшло...

Живите долго, светло! Любуйтесь жизнью во всей ее красе! Для меня Вы — образец настоящего человека и настоящего мужчины.

Обнимаю, целую!

Вера Петровна

Дорогой Иван Михайлович!

Как жалко, что я опоздала встретить Вас. Если бы это случилось хотя бы лет на пять раньше, мне кажется, все могло сложиться по-иному. Но судьба-злодейка не всегда человеку идет навстречу. И все же лучше поздно, чем никогда. Теперь я уже не представляю своей жизни без Вас.

Ночью, когда не спится, о многом думается и передумывается. Перелистываю страницы своей долгой жизни. Вспоминается детский сад, учеба в школе, университет, первая любовь... Потом были заботы о семье, о судьбах детей, увлеченность работой.

Я отчаянно и смело шла по жизни. И как же так случилось, что я начала думать о том, о чем думать нельзя? Все вдруг стало происходить, как на качелях: вверх-вниз, с Вами и без Вас.

Вспоминаю, как после первой встречи мне почему-то захотелось чем-нибудь привлечь Ваше внимание. Я стала приносить Вам свои очерки. Вы их читали, многие хвалили. И, наверное, поняли, что я не простушка с улицы, а интеллигентная, образованная женщина, с которой можно говорить о многом, что мне интересно слушать Ваши рассказы о работе, о творчестве, о личной жизни. Оказалось, что у нас немало общего, хотя у нас совершенно разные профессии: я — учитель математики, Вы — писатель, журналист. Но нам одинаково необходимо вдохновение, творчество...

Голубчик мой, Иван Михайлович, я не ханжа. В жизни я много раз влюблялась, многих влюбляла в себя, но сама, по сути, никого, кроме Сергея, по-настоящему не любила.

И вдруг — Вы! И как же мне было больно, когда Вы честно и откровенно сказали: «Я не могу ответить Вам взаимностью...»

Но самую страшную, невыносимую боль я испытала, когда Вы накричали на меня и резко захлопнули дверь перед самым носом. Простите, простите, Иван Михайлович, но ведь так было.

Я сильно тогда тосковала. Попала даже в больницу. А когда поправилась, то по вечерам приходила к Вашему дому, пряталась за деревьями и смотрела, есть ли огонек в Вашем окне. Если есть, значит, он дома, значит, все хорошо.

Так продолжалось недели две, а может, и более. Иногда дул холодный пронизывающий ветер, шел дождь, мне было очень холодно, и я мысленно говорила Вам: «Миленький Судзиловский, если бы Вы пустили меня погреться, я бы только села напротив Вас, смотрела и радовалась, что Вы уже здоровы...»

Но я знаю, что Вы можете быть и очень чутким. Вспомнила, как этим летом я шла к Вам в редакцию и возле кинотеатра «Октябрь» мне внезапно стало плохо. Рядом была аптека, я купила необходимое лекарство, но почему-то не становилось лучше. Я позвонила Вам, и Вы пришли в аптеку, вызвали такси, чтобы мне уехать домой.

О, дорогой Иван Михайлович, я умею быть благодарной. Ваш поступок растрогал меня до глубины души. И когда мне стало лучше, хотелось смеяться и плакать. Хотелось сделать для Вас что-то необыкновенное, невероятное, что порадовало и согрело бы Вас. Но, к сожалению, Вы ничего не принимаете от меня.

И еще. Я никогда никому не завидовала в жизни. Напротив, хотела, чтобы завидовали мне. Так оно и было. А теперь, дорогой мой, любимый Иван Михайлович, я изо всех сил завидую Вашей жене. Только ей позволено ласкать Вас, целовать, любить.

Я никогда не переживала из-за любви. И даже не подозревала, что это возможно. Спокойно жила с мужем. Спокойно рассталась с полковником. А теперь вот, на старости лет, пришлось испытать горечь и боль неразделенного чувства. Но я ни о чем не жалею. И ни у кого нет права запретить мне любить Вас: ни у мужа, ни у детей, ни у внуков, ни даже у Вас! Я только плачу от бессилия...

Еще раз простите за мою несдержанность.

Живите долго, в добром здравии! Живите светло, божественно!

Молюсь за Вас и люблю.

Вера Петровна

Добрый день, красивый и не мой Судзиловский!

«Я скажу Вам одну умную вещь, только Вы не обижайтесь». Помните эту крылатую фразу из кинофильма «Мимино»? Так вот, и я хочу сделать то же самое.

Всегда, абсолютно всегда, собираясь на встречу (не только к Вам, а на любую встречу), я вспоминаю наказ полковника: у дамы должно быть красивое нижнее белье, современная верхняя одежда, чистая обувь и безупречный макияж. И непременно придерживаюсь этого правила. Впрочем, и до полковника я одевалась всегда нарядно, красиво. Это стало уже неотъемлемой чертой моего характера. Мне кажется, это должно быть важной чертой всякого интеллигентного человека.

Вы согласны?

Почему же вчера, когда я зашла к Вам редакцию, то увидела моего красивого Судзиловского в каком-то давнишнем лапсердаке, из-под ворота которого виднелась желтая майка, по-моему, уже даже малость потрепанная? Голубь мой сизокрылый, отчего Вы так неуважительны к себе? Где же Ваша интеллигентность?

Нет, я Вам этого в глаза не сказала, постыдилась. Только деликатно наметнула, что главному редактору куда более к лицу нарядный костюм и красивая сорочка с галстуком.

А Вы вспылили:

— Вера Петровна, я одеваюсь так, как мне удобно. А если это кому-то не нравится, то мне плевать. Я уже в том возрасте, когда могу позволить себе не оглядываться на чужое мнение!

Я постаралась поскорее загладить свою оплошность, сказав, что даже если бы Вы были в лохмотьях — все равно оставались бы для меня самым милым.

Но придя домой и поразмыслив, я все же решила сказать Вам то, что написала выше. И сказала не из стремления в чем-то упрекнуть, а из-за большой любви, желания, чтобы все у Вас было идеальным. Вы ведь человек публичный, и внешний вид для Вас — дело не второстепенное.

Не обижайтесь на меня, дорогой мой человек.

С любовью — Вера Петровна

Милый, талантливый Судзиловский!

Вчера совершенно случайно взяла в библиотеке свежий номер журнала «Маладосць» и к великой радости обнаружила в нем Ваши стихи. Оказывается, Вы еще и поэт!

Стихи Ваши пришлись мне по душе. Я их переписала и украдкой, когда муж чем-нибудь занят, перечитываю. Они будто обо мне.

В частности, вот это:

Недапіты стакан стаіць,
На душы, як імжа, нудота...
Адусюль на мяне глядзіць
Адзінота.
Не знаходжу ратунку нідзе,
Валіцца з рук работа...
Быццам камень, мяне гняце
Адзінота.

Читаю эти пронзительные строки, и мне больно, я плачу. Я ведь тоже сейчас ощущаю острое одиночество. Ищу спасения у Вас. Мне хочется иногда побыть у Вас лишним полчаса, но нельзя. Ваши сотрудники постоянно заходят с какими-то вопросами, возникают различные проблемы, которые необходимо безотлагательно решать.

Дорогой Иван Михайлович, я всегда думаю о Вас: где Он сейчас? В редакции что-то решает со своими сотрудниками или, может, участвует в каком-то важном мероприятии? Иногда звоню Вам, чтобы только услышать Ваш чуть приглушенный, озабоченный голос, и радуюсь: он на работе, чем-то занят, не буду его отвлекать. А в пасмурные дни испытываю безысходное, мучительное одиночество. Похоже, оно Вам тоже в свое время было хорошо знакомо.

Сумуе неба, дождж ідзе...
Няма спакою мне нідзе:
Ні ў бібліятэцы і ні дома...
І што рабіць тут — невядома.
Ні тэлевізар, ні чытанне
Не сунімаюць хвалявання:
А як там любая? І дзе?

А дождж ідзе.
А дождж ідзе...

Одно Ваше стихотворение я даже переделала, написав от своего имени. Вот как оно теперь звучит:

Гэтай ноччу ты сніўся мне —
Як заўсёды, прыгожы, вясёлы,
Я цябе цалавала ў тым сне,
І смяялася неба вясёлкай.
І зіхцелі ўсе кветкі, кусты,
І быў свет трапяткі асабліва.
Гэтай ноччу мне сніўся ты...
Гэтай ноччу была я шчаслівай.

А ведь и правда, мне недавно приснился подобный сон. Я как будто у Вас дома. Вы крепко спите, а я сижу у изголовья, люблюсь Вами, перебираю Ваши седые волосы, целую гладко выбритую щеку. И будто бы слышу ангельский голос:

- Ну что, нравится тебе этот человек?
- Очень!
- Но он не твой.
- Как жаль, что он мне встретился так поздно.
- Таков промысел Божий...

Долго сижу я у Вашего изголовья, ласкаю Вас, и на сердце у меня неизъяснимое блаженство. Но я проснулась — и все исчезло. Было обидно — хоть плачь! И сейчас я со слезами на глазах тихонько пою:

Ночь была, был рассвет, словно тень крыла.
У меня другого нет, я тебя ждала.
Все ждала и верила, сердцу вопреки...
Мы с тобой два берега у одной реки.

А ведь берега всегда друг от друга на расстоянии...
Страдаю, люблю, целую!

Вера Петровна

Дорогой Иван Михайлович!

Оказывается, Вы можете быть совершенно иным: оживленным, радостным, вдохновенным. Именно таким я увидела Вас вчера и была приятно поражена. Сначала восприняла это на свой счет (была изысканно одета), но немало огорчилась, когда узнала истинную причину Вашего состояния. Из длительной командировки вернулась Ваша жена. Вы просто расцвели. А когда пошли меня провожать, я заметила, что у Вас даже изменилась походка: Вы шли не так, как всегда, — наклоняясь чуточку вперед, — а расправив плечи, легко, задорно.

Мне было приятно видеть Вас таким и одновременно очень грустно. Неужели Вы так сильно любите свою жену? А говорили: «Кто любил, уж тот любить не может, кто сгорел, того не подождешь...»

Чтобы не видеть Вас, такого счастливого, такого влюбленного, я, наверное, уеду в Москву, к сестре. Надолго. Может, время и расстояние сделают свое дело и мне станет легче.

Всего Вам хорошего! Наслаждайтесь жизнью!

Вера Петровна

Царь сердца моего, здравствуйте!

Вы, наверное, удивились такому неожиданному обращению к Вам? Я его недавно услышала по радио. Неизвестная мне певица пела очень грустную и невероятно пронзительную песню. Многие я не разобрала, но запали в сердце такие слова: «Ты — царь сердца моего!»

Как же это соответствует моему теперешнему настроению, моему теперешнему состоянию...

Я никуда не уехала. Хватило сил отказаться от поездки в Москву на два-три месяца, как я рассчитывала. Моя сестра обещала основательно подлечить меня в лучшем столичном госпитале и устроить райскую жизнь на отдыхе. Но как подумала, что столько времени не буду видеть царя моего сердца, — мне стало плохо: да я же умру от тоски по нему. Я страдала, плакала, и сердце мое плакало вместе со мной. С Божьей помощью нашла в себе силы отказаться от поездки, чем немало и, кажется, неприятно удивила своего мужа.

Почему-то вспомнилась одна притча. Юноша страстно любил девушку. Но она сказала ему: «Вырви сердце у твоей матери и принеси мне его, тогда полюблю тебя». Юноша сделал все, как велела ему возлюбленная. Шел к ней окрыленный и неожиданно ударился ногой о камень. «Больно тебе, сынок? — сказала ему сердце матери. — Иди сбоку от тропинки, по мягкой травушке...»

Иван Михайлович, Вы ведь умница и поймете, что я хочу сказать этой притчей. Я так люблю Вас, что не задумываясь отдала бы свое сердце, только зачем Вам оно, такое больное?

До свидания, царь сердца моего!

Вера Петровна

Любушка Судзиловский!

Пишу Вам свои письма, потому что таким образом я как бы разговариваю с Вами. Мы ведь так редко видимся и так мало общаемся. А мне так много всего хочется Вам сказать!

Дорогой Иван Михайлович, неужели я Вам совсем безразлична? Тем не менее я благодарна Вам за то, что Вы не отвергли меня, разрешаете видеться с Вами, общаться. Без этого я просто умру.

Ради Бога, только не подумайте, что я хочу вызвать у Вас чувство жалости. Вот этого мне как раз абсолютно не нужно. Жалость в ответ на любовь унижает, оскорбляет человека.

Мне ничего от Вас не надо. Наоборот, я готова сделать для Вас все возможное и невозможное. И это желание настолько велико, что я порой ощущаю себя матерью Терезой. Вот до чего я докатилась на старости лет...

Иногда мне бывает страшно: что же будет с этой моей грешной, безрасудной, безответной любовью? Откуда такая неистовость? Может, потому, что я в свое время недолюбила, оборвала свое чувство на самом высоком взлете? А может, потому, что я идеализирую Вас и, не получая взаимности, распалю в своем сердце неистребимую, неутолимую жажду?

Как бы там ни было, эта любовь не отпускает мое сердце на свободу. Она размывает во мне волю и способность отдавать свои силы семье, мужу, гасит всяческие протесты ума и совести.

Бывая в церкви, я обращаюсь к Богу:

— Господи, я ничего плохого не делаю, я просто люблю Судзиловского какой-то неземной любовью. А если

она неземная, значит, кто-то ниспослал мне ее с Небес. За что же меня тогда считать грешницей? Прости, Господи, если можешь.

Иногда я дохожу до абсурда. Когда в городе вижу трамвай номер семь, то встречаю его как нечто одушевленное и говорю ему:

— Дорогой мой трамвай, ты идешь в сторону, где живет Иван Михайлович, позвони ему под окном, передай ему мой сердечный привет.

И долго смотрю ему вслед.

Боже, когда же это кончится? Нет, нет, не надо, чтобы кончалось. Хочу всегда видеть и слышать царя моего сердца, ненаглядного и недоступного Судзиловского.

Преданная Вам Вера Петровна

Доброе утро, мой дорогой, милый Иван Михайлович!

Сегодня ночью мне не спалось и я предалась воспоминаниям.

Вспоминала, каким я увидела Вас в первую встречу: доброжелательным, спокойным, с внимательным, чуть-чуть настороженным взглядом. А ореол седых кудрявых волос вокруг лысины напомнил мне какого-то святого с церковной иконы.

И, наверное, не случайно после второй, третьей встречи мне уже хотелось мысленно шептать Вам свою заветную молитву, в которой я благодарила Бога за то, что он наконец послал мне мужчину моей мечты, а Вам давала клятву верности. В этой молитве я обращалась к Вам с такими словами:

— А кем ты будешь для меня: моим начальником, моим советником, моим помощником, моим другом, моим кумиром, моим возлюбленным?

И однажды мне показалось, что кто-то ответил мне ангельским голосом:

— Он будет для тебя во всех ипостасях.

Так оно и случилось.

Вы уже были для меня и дубом, обоженным молнией, и князем с благородным обликом и мужественной статью, и самой красивой белорусской птицей — глухарем, и царем сердца моего. А нынче Вы представились мне самой яркой звездой на небосводе — Сириусом. Яркой, красивой, но, увы, недостижимой...

Часто, когда мне не спится, я лежу в кровати, смотрю на звездное небо и перебираю в памяти день за днем наши встречи. Я их помню все. Некоторые приносят мне тепло и радость, а некоторые и вспоминать не хочется.

Вот одна из таких, неприятных.

Вы пригласили меня на редакционную встречу Нового года. Я с удовольствием согласилась: хотелось поближе познакомиться с Вашим коллективом, увидеть Вас в общении с сотрудниками. Я испекла торт «Наполеон», купила разных деликатесов и пришла. Правда, немного опоздала, но стол почему-то еще не был накрыт. Я спросила, в чем дело. Марина Ивановна мне пояснила, что вначале одна из сотрудниц будет исполнять танец живота.

И вот заиграла музыка — и в раскрытую дверь вихрем влетела эта сотрудница — оголенная, с ярко накрашенными губами, с каким-то флагом. Я просто испугалась. Во-первых, мне показалось, что сам редактор сейчас залезет на стол и будет тоже танцевать в такт музыке. Настолько Вы были увлечены абсолютно банальным действием. Слава Богу, этого не случилось.

Во-вторых, танец живота в Индии танцуют девушки или женщины до сорока лет. Вашей же сотруднице, похоже, уже далеко за пятьдесят. У нее некрасивое, дряблое тело.

К тому же она сбивалась с ритма, поскольку ей надо было постоянно поправлять повязку на бедрах.

Кажется, этот танец на ваших сотрудников не произвел особого впечатления, потому что, как мне потом сказали, она уже его здесь исполняла. Надо же решиться на такое! Смелая. У меня до сих пор осталось смутное подозрение, что решилась она прежде всего ради Вас.

Хочу забыть, но часто в памяти всплывает день, когда Вы мне впервые честно сказали, что не можете ответить на мои чувства взаимностью. Все вокруг для меня тогда стало темным и холодным.

И потом еще несколько раз Вы объясняли мне почему: кто любил, у тот любить не может. Хуже того: просили меня поменьше говорить о своих чувствах, а в подтексте это звучало как упрек, мол, такие назойливые признаки надоедают, раздражают. Неужели Вам, талантливому писателю, инженеру человеческих душ, невдомек, что подобные жестокие слова, упрекающий тон больно ранят сердце?

Ладно, не будем о грустном.

Чаще всего я вспоминаю о Вас с нежностью и любовью. Как мне Вам рассказать, что вот уже более двух лет вся моя жизнь тесно переплетена, неразрывно связана с Вами? Если я вижу что-то красивое из одежды, хочу это купить для Судзиловского. Если готовлю вкусную еду, то мне хочется Вас накормить. А если что-то слышу о Судзиловском по радио или по телевизору — я безмерно горжусь и счастлива. Мне в радость все, что связано с Вами.

За все время, что мы знакомы, не было дня, чтобы я не вспоминала Вас, не думала о Вас: где мой Судзиловский сейчас, с кем он общается, как смотрит на красивых молодых женщин, хорошо ли ему, комфортно ли?

Очень сожалею, что Вы — не пилигрим! А то бы мы обязательно поехали в Израиль, посетили Иерусалим и Назарет. Мы бы шли по городу, где ступали ноги Спасителя, и Ваше лицо светилось бы Божественной благодатью.

Каждый человек мечтает жить долго, богато и счастливо. И просит об этом у Господа. Я, конечно же, тоже просила, и Всевышний все это мне даровал, если не считать некоторых издержек. Все подружки завидовали моей жизни. И действительно, я была счастлива. Лишь изредка хотелось тихонько, в одиночестве спеть: «Ах, кавалеров мне вполне хватает, но нет любви хорошей у меня...»

Да, дорогой Иван Михайлович, юношеская моя любовь была короткой и с печальным концом, а потом я всю свою жизнь никого по-настоящему не любила. Пока не встретила Вас... В Библии сказано: прожить жизнь без душевной любви — это просуществовать впустую.

Теперь я не могу сказать, что жизнь моя пуста. И все же мне многого не хватает, многое доставляет огорчение. Если Вы иногда не отвечаете на мой звонок — я плачу. Если Вы порой не выполняете моей просьбы — плачу. Если Вы говорите мне неправду (а я это безошибочно чувствую) — тоже лью слезы. Если редко вижу Вас, не имею возможности пообщаться — рыдаю безутешно, как ребенок.

Но все это предисловие. Сейчас скажу главное. Может статься так, что это мое письмо окажется последним. Дело в том, что мой лечащий врач посоветовал мне срочно лечь в больницу. Плохо с сердцем. Видимо, ноша неразделенной любви оказалась ему не под силу.

И я решила: перед тем, как лечь в больницу, все свое эпистолярное сочинение наконец передать Вам. Зачем? Не знаю. Может быть, для того, чтобы, прочитав эти письма,

Вы почувствовали всю силу моего жертвенного, неистребимого чувства и хоть капельку, хотя бы чуточку пожалели, что не смогли, не захотели его разделить.

Иван Михайлович, на всякий случай говорю вам: «Прощайте». И не поминайте лихом. Живите долго, богато и счастливо! А я свою судьбу отдам в руки всемилостивого Господа.

Любящая Вас Вера Петровна»

* * *

Оглушенный и потрясенный прочитанным, Иван Михайлович несколько минут сидел молча, недвижимо. Пылали щеки, гулко, со щемящей болью стучало сердце. Снова стало не хватать воздуха.

Он бережно положил папку в стол, оделся и вышел из редакции. Захотелось пройтись по улице, остудить пылающее лицо, обдумать, осмыслить прочитанное. Безоглядно откровенные, обжигающие в своей яростной страсти признания Веры Петровны взволновали его и расстроили. Расстроили, ибо получилось — пусть себе и невольно, совершенно того не желая, — он стал виновником преждевременного ухода из жизни хорошего человека.

Что же теперь делать? Как быть?..

Неожиданно взгляд его привлекла крупная вывеска «Место встречи», которая ярко светилась в первых сумерках осеннего вечера. Это сюда несколько месяцев назад Вера Петровна уговорила его пойти поужинать. И ноги сами повели его ко входу.

Он поднялся на второй этаж, прошел в конец зала. Обрадовался, когда увидел, что столик на двоих, за которым они сидели тогда с Верой Петровной, свободен.

Официант подошел тут же, предложил меню.

— Спасибо, не надо... — жестом руки остановил его Иван Михайлович. — Мне, пожалуйста, бутылку вина и два бутерброда. С икрой.

— Вина какого: красного, белого, итальянского, французского?

Иван Михайлович задумался: какое же заказывала Вера Петровна? А вслух сказал:

— Кажется, французское... В названии есть слово «Эрмитаж».

— Petite Ruche Crozes-Hermitage?

— Да, да, оно самое.

— Поищем. Наша публика его нечасто заказывает. Должно быть.

Желаемое вино действительно нашлось. Иван Михайлович наполнил до половины два бокала. Один пододвинул к себе, другой поставил напротив, на свободное место, и положил на него бутерброд.

Приподняв свой бокал, он мысленно произнес: «Дорогая Вера Петровна, я виноват перед Вами... Виноват за мое безразличие, за все те обиды и душевные муки, вольно или невольно причиненные Вам... Хотя я вовсе не хотел этого. Мне казалось Вашим очередным капризом, эгоистическим желанием избалованной мужским вниманием женщины сделать поклонником еще одного человека. Отсюда мое ироничное, снисходительное к Вам отношение.

Я глубоко ошибался... Ваши письма показали, что Ваши чувства были искренними, настоящими, бескорыстными. Вы ничего не требовали взамен, только бы лишний раз побыть вместе, услышать хотя бы одно мое ласковое слово.

«Неужели я для Вас абсолютно безразлична?» — немым и горьким укором звучит сейчас этот вопрос, который Вы не раз мне задавали. А я в ответ раздражался, уговаривал Вас успокоиться, не придумывать лишнего, давал дурацкие советы типа съездить к святой Валентине Минской, заняться другими, более важными проблемами, в частности внуками. Тем самым лишь усугублял Ваши душевные страдания...

Простите меня за это, Вера Петровна, и не поминайте лихом. Пусть будет пухом Вам родная землячка...»

Выпив до дна, Иван Михайлович стал разглядывать посетителей. В основном это была молодежь — студенты, которые в ожидании танцев весело галдели, разноголосно шумели. Особенность этого заведения заключалась в том, что по вечерам в нем предлагали ресторанное меню и звучала живая музыка.

Иван Михайлович снова наполнил свой бокал и задумался. Интересно, зачем же все-таки было это непрошенное знакомство, эти досадные, навязчивые встречи? Ведь все в подлунном мире неслучайно. И спрашивать надо не почему, а именно для чего это случилось.

Так для чего же? Да, в свое время, в юности, он безумно желал любви — искренней, взаимной, до самозабвения. А получил лишь горькое разочарование и мучительную, годами не заживающую сердечную рану. Так может быть, Всевышний в конце концов в утешение послал ему такую любовь? Но только слишком поздно.

«Ах, если бы все, что дается человеку, было своевременным и желанным!..» — грустно вздохнул Иван Михайлович и выпил. На этот раз вино показалось ему с горчинкой. И он закусил бутербродом.

Вспомнилась одна деталь тогдашнего вечера. Вера Петровна попросила поддержать его руку в своей, а он упрекнул ее в детском капризе и даже демонстративно отодвинулся. Боже, сколько же он за тот злополучный вечер причинил ей страданий! И все равно — это было видно по ее лицу — она была счастлива. Ведь он был рядом и она могла общаться с ним почти два часа.

Неожиданно размышления Ивана Михайловича получили резкий поворот: а что, если эта несвоевременность и является для него каким-то знаком, каким-то уроком? Может быть, для осознания своей вины, воспитания большей чуткости, внимательности, деликатности?

Но в чем его вина? В том ли, что надо было сразу, как только почувствовал в ее отношениях нечто большее, чем симпатию, прекратить эти встречи — решительно и бесповоротно? Так нет же, ему тоже хотелось потешить свое мужское самолюбие. И он не то чтобы поощрял ее признания, но и категорически не отвергал. Да, да, не отвергал. Хотя формально уговаривал ее остыть, не накручивать, не распаять себя. В то же время, когда она долго не появлялась, ощущал, что ему чего-то не хватает.

Нет, резко, грубо оборвать их общение Иван Михайлович не мог не только по этой причине, а еще и в силу своей воспитанности и определенной интеллигентности. Кроме того, вспоминая свою ситуацию с первой любовью, понимал, что никакая разумная логика, никакие убийственные аргументы не могут переубедить сердце. Какая же это, оказывается, пытка — быть любимым против воли, видеть, что человек рядом с тобой страдает от неразделенного чувства, а ты ничем не можешь ему помочь.

Тем не менее он не предполагал, что все закончится столь печально. Хотя, возможно, ее изношенное, больное сердце могло остановиться и само по себе, но, несомненно, и его безразличие усугубило трагическую ситуацию...

Грустные размышления Судзиловского нарушило шумное оживление в зале. На авансцене появились музыканты, стали настраивать инструменты. Иван Михайлович глянул на часы: скоро восемь. Пора домой.

В бутылке еще оставалось вино. Он плеснул немного в бокал и, мысленно еще раз попросив у Веры Петровны прощения, выпил его.

Уже в гардеробе его догнала громкая мелодия знакомого танго. Того самого, во время которого Вера Петровна сказала ему: «Как бы я хотела потанцевать с вами!», но, увидев его язвительную ухмылку, тут же поспешила загладить свою оплошность: «Но, к сожалению, с моей больной ногой это невозможно».

«Невозможно... невозможно...» — повторял Иван Михайлович, шагая по улице. Да, многое в их отношениях было невозможно. Но он теперь знал ответ на вопрос «Что же делать?». А ничего не надо делать. Просто сохранять память о светлом и счастливом человеке.

Да, как это ни странно, Вера Петровна была счастлива и благодарила Бога за эту нечаянную возможность снова пережить, во всей полноте испытать одно из сильнейших человеческих чувств, ощутить благодатное тепло среди поздней осени.

